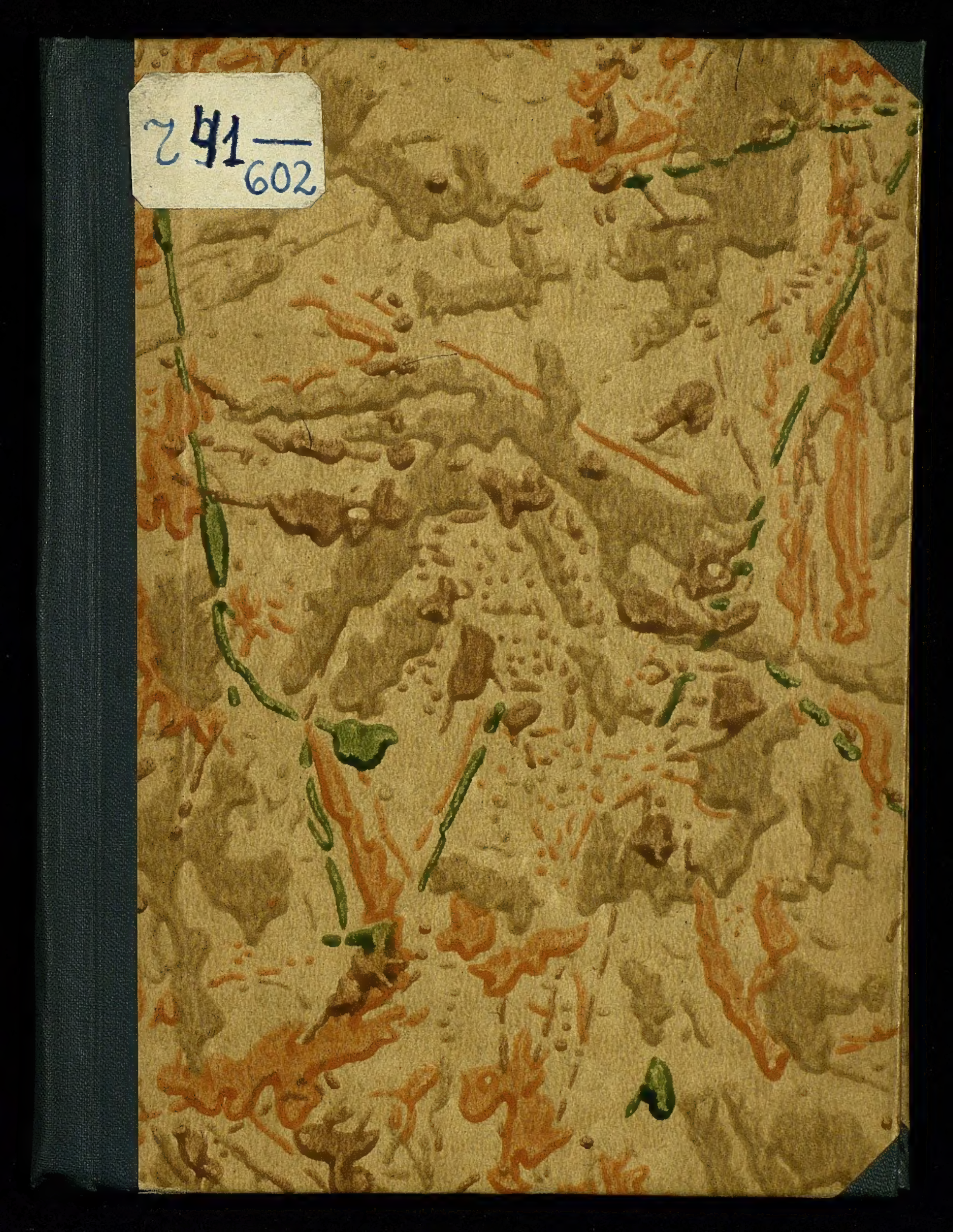
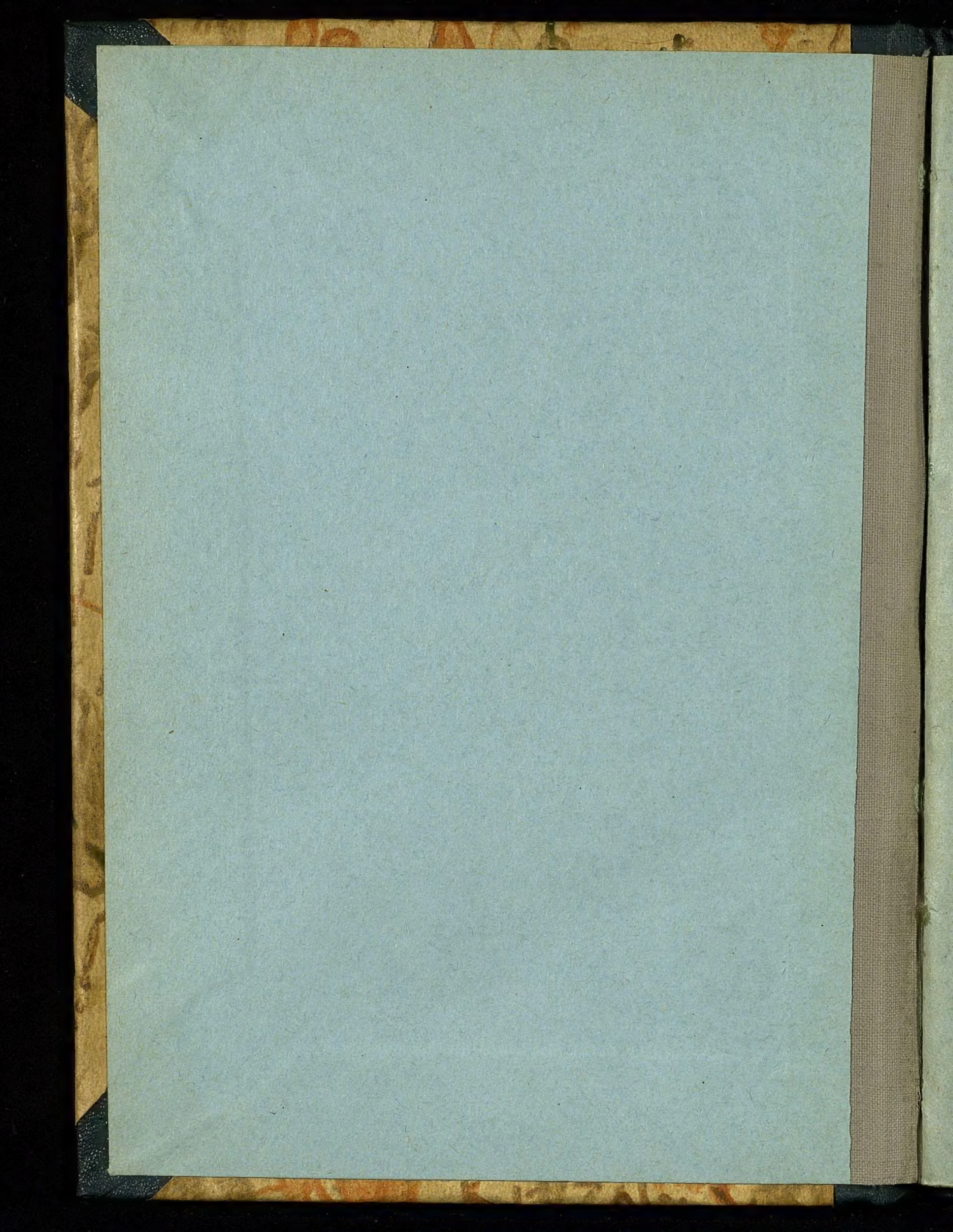

Библіотека для семьи и школы.

В. Алексѣевъ.

Двѣнадцатый годъ.

Москва.—1914.

Цѣна 20 к.

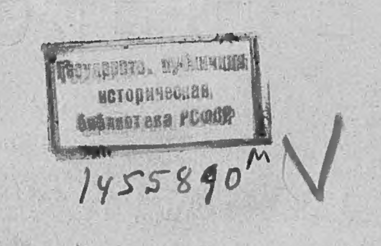
Дешевая библіотека для семьи и школы.

В. Алексѣевъ.

Двѣнадцатый годъ.

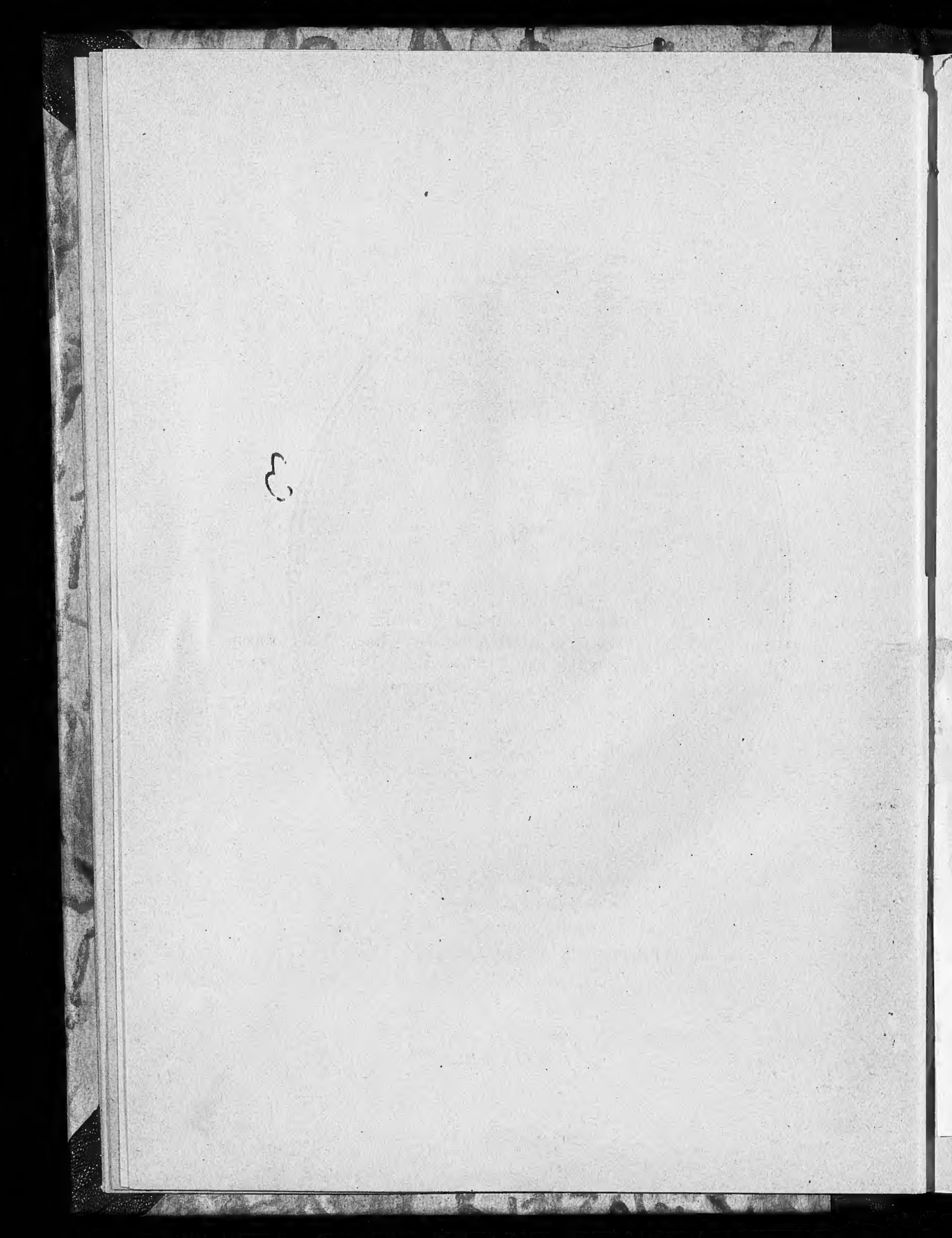
2-е изданіе редакціи журнала «ЮНАЯ РОССІЯ».
Москва, Большая Молчановка, д. № 18.

МОСКВА
Типографія К. Л. Меньшова, Арбатъ, Никольскій пер., д. № 21.
1914.

Императоръ Александръ I.

Переходъ черезъ Нѣманъ 12 іюня 1812 г.

Двѣнадцатый годъ.

Виленскій балъ.—Переправа Наполеона черезъ Нѣманъ.—Борьба Наполеона съ Англіей и континентальная система.—Недовольство Россіи союзомъ съ Франціей и участіемъ въ борьбѣ съ Англіей.—Вздорожаніе жизни въ Россіи.—Разрывъ Александра съ Наполеономъ.—Приготовленія къ войнѣ.—Планы Наполеона и Россіи.—Отступленіе русскихъ войскъ изъ Вильны.—Отъѣздъ Александра изъ арміи.—Александръ въ Москвѣ.—Петербургъ и война.—Соединеніе обѣихъ армій въ Смоленскѣ.—Бой подъ Смоленскомъ и отступленіе русскихъ.—Недовольство Барклаемъ въ арміи.—Назначеніе Кутузова главнокомандующимъ.

I.

Шумно и весело проходила весна 1812 года въ Вильнѣ. Къ западной границѣ были придвинуты войска въ виду ожидавшейся войны съ Наполеономъ, и въ Вильнѣ находилась главная квартира 1-й арміи. Масса офицерства, польскихъ пановъ, дамъ, представительницъ высшаго свѣта. 14 апрѣля сюда прибылъ императоръ Александръ I, и начались смотры и парады войскъ, чередовавшіеся съ балами и вечерами въ честь высокаго гостя. А 12-го іюня всѣми

придворными былъ данъ блестящій балъ государю неподалеку отъ Вильны, въ живописномъ мѣстечкѣ Закретѣ.

Крытая галлерея, устроенная для танцевъ на открытомъ воздухѣ, къ несчастью, обрушилась; но эта случайность не помѣшала празднику. „Все общество собралось на подмосткахъ, уцѣлѣвшихъ отъ галлереи. Дамы помѣстились подъ апельсинами въ цвѣту, мужчины составили кружокъ въ срединѣ эстрады“.

„Вечеръ былъ дивный,—разсказываетъ участница бала, графиня Шуазель,—легкія облака точно предохраняли насъ отъ яркихъ лучей заходящаго солнца; толпа народа, нахлынувшаго изъ города, разсыпалась по парку и по берегу рѣки (Виліи); живописныя группы ихъ заканчивали картину, оживленную нашими бальными туалетами и блестящими мундирами кавалеровъ. Государь пріѣхалъ въ восемь часовъ вечера. Онъ былъ очень красивъ въ своемъ мундирѣ Семеновскаго полка, съ свѣтло-голубыми отворотами. Онъ остановился не надолго полюбоваться всѣмъ собраніемъ, затѣмъ подошелъ къ дамамъ и уговаривалъ ихъ не вставать передъ нимъ“.

Послѣ десерта начались танцы, въ которыхъ принялъ участіе и государь. Во время бала къ Александру подошелъ министръ полиціи Балашевъ и тихо, чтобы никто не могъ услышать, сказалъ что-то ему. Спустя часъ, Александръ, не дождавшись ужина, уѣхалъ.

Отъѣзду императора никто не придалъ значенія, и вечеръ продолжался.

„Воздухъ былъ такъ тихъ, что свѣчи горѣли, не мелькая. Блескъ шкаликовъ, размѣщенныхъ въ паркѣ и отражавшихся въ каскадѣ, соперничалъ съ многочисленными звѣздами и матовымъ свѣтомъ луны, которую государь такъ непоэтично сравнилъ съ фонаремъ, сказавъ, однако, что это лучшая часть иллюминаціи“.

Балашевъ между тѣмъ сообщилъ о переходѣ Наполеона

черезъ Нѣманъ, и Александръ съ бала уѣхалъ къ себѣ, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія по этому поводу.

Дѣйствительно, въ ночь съ 11-го на 12-е іюня произошла переправа французскихъ войскъ черезъ Нѣманъ. Къ границѣ войска подошли 10 іюня, а на слѣдующій день началась самая переправа.

Когда стемнѣло, къ мѣсту переправы прибылъ Наполеонъ. Войска стояли около императора французовъ въ глубокой тишинѣ плотными колоннами; огней не велѣно было зажигать. Триста поляковъ первыми на лодкахъ переплыли на русскую сторону. Казачій разъѣздъ, стоявшій здѣсь, произвелъ, было, нѣсколько выстрѣловъ, но, въ виду массы войскъ, отступилъ и далъ знать о переправѣ. Въ полночь навели три моста, и нѣмая тишина ночи нарушилась топотомъ ногъ лошадей и людей, ступившихъ на понтоны. Наполеонъ все время наблюдалъ за переправой, а потомъ переѣхалъ и самъ на противоположный берегъ.

Такъ начиналась война 1812 года Россіи съ Франціей, столѣтіе которой отпраздновано въ 1912-мъ году.

II.

Войнѣ предшествовала многолѣтняя дружба Александра I съ Наполеономъ и миръ обоихъ государствъ. И какъ русскій императоръ не хотѣлъ войны, такъ и императоръ французовъ рѣшился на войну съ большимъ трудомъ. Наполеонъ, переходя Нѣманъ, собственно, хотѣлъ наказать не Россію, а Англію, давнюю соперницу Франціи.

Англія тогда была самой сильной и богатой морской державой. Въ ней процвѣтала промышленность, и она имѣла огромный флотъ. Англійскіе корабли плавали по всѣмъ морямъ, заходили во всѣ гавани, ввозили свои товары и увозили чужіе. Во всѣхъ европейскихъ городахъ продавались англійскіе фабрикаты, и изъ всѣхъ европейскихъ городовъ

и колоній вывозились товары на англійскихъ корабляхъ. Ни въ одной странѣ въ Европѣ не было такихъ большихъ капиталовъ, какъ въ Англіи, такихъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ и такого флота. Потому Англія держала въ своихъ рукахъ всю промышленность и торговлю въ Европѣ и въ колоніяхъ и не давала развиваться нигдѣ промышленности и торговлѣ. Только Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты соперничали съ Англіей.

Во Франціи промышленность была развита слабо. Она также была заполнена англійскими фабрикатами, тоже была въ кабалѣ у Англіи, какъ находится въ кабалѣ у ростовщика не имѣющій капитала промышленникъ. И пока англійскія издѣлія не давали хода французскимъ, французская промышленность не могла развиваться.

Наполеонъ, чтобы поднять промышленность Франціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ея политическое значеніе, и рѣшилъ освободить Францію отъ этого мірового „ростовщика", какъ онъ называлъ Англію.

Чтобы подорвать значеніе Англіи, надо было поразить ее въ самое чувствительное мѣсто—флотъ. Это и попытался сдѣлать Наполеонъ, но потерпѣлъ неудачу. Въ битвѣ при Трафальгарѣ 26 октября 1805 г. знаменитый англійскій адмиралъ Нельсонъ уничтожилъ французскій флотъ. Тогда Наполеонъ, чтобы подорвать торговлю Англіи, рѣшилъ запереть для англійскихъ кораблей всѣ европейскія гавани. Говоря иначе, онъ хотѣлъ прекратить ввозъ англійскихъ товаровъ во всѣ европейскія страны. Свою гавань Наполеонъ закрылъ прежде всего. А другія государства заставилъ или оружіемъ закрыть гавани, или мирнымъ договоромъ.

Теперь строго было запрещено во всѣхъ европейскихъ гаваняхъ входить и выходить кораблямъ подъ англійскимъ флагомъ. Только корабли съ другими флагами, другихъ государствъ могли свободно плавать и развозить товары. Это закрытіе портовъ и другія мѣры противъ Англіи получили

названіе „континентальной системы“. Значитъ, по волѣ Наполеона, прекратился не только ввозъ англійскихъ товаровъ, но и вывозъ изъ всѣхъ европейскихъ странъ туземныхъ издѣлій, такъ какъ всѣ эти товары вывозились на англійскихъ корабляхъ.

На первое время Наполеонъ своими мѣрами, дѣйствительно, подорвалъ торговлю Англіи. Многіе коммерсанты здѣсь обанкротились, закрылись нѣкоторыя фабрики. А во Франціи, наоборотъ, образовались новыя торговыя фирмы, стали открываться новыя фабрики. Но наказавъ Англію, Наполеонъ наказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и другія европейскія государства.

Европейская торговля не могла обходиться безъ Англіи, безъ англійскихъ кораблей. Англійскіе корабли нужны были какъ для того, чтобы ввозить товары, такъ и для того, чтобы вывозить свои товары. Не могла существовать безъ англійскихъ кораблей и европейская промышленность. Для фабрикъ и заводовъ нужно было сырье—хлопокъ, шерсть, сало, кожи и т. п. А сырье это и привозилось на англійскихъ корабляхъ. Между тѣмъ, какъ только вступили въ силу мѣры Наполеона противъ Англіи, такъ государства, гдѣ была промышленность, перестали получать сырье, а государствамъ, откуда возилось сырье, не на чемъ стало вывозить свое сырье. И вотъ торговля остановилась, фабрики и заводы стали закрываться, все вздорожало.

Тогда началась контрабанда. Какъ запруженная вода ищетъ щели и пробивается черезъ нее наружу, такъ запруженная Наполеономъ торговля нашла себѣ щель въ контрабандѣ и пошла чрезъ нее. Товары стали привозить на англійскихъ же корабляхъ, но подъ другими флагами, и торговля стала опять налаживаться. Англія торжествовала.

Россія примкнула къ Наполеону послѣ свиданія его съ Александромъ I въ Тильзитѣ въ 1807 году, когда былъ заключенъ Тильзитскій миръ. И наравнѣ съ другими государствами разстроила свою торговлю.

Въ Россію изъ Англіи привозились кофе, вино, сахаръ, сукно, соль. А изъ Россіи на англійскихъ корабляхъ вывозились хлѣбъ, шерсть, сало, кожи и другое сырье.

Когда былъ закрытъ входъ англійскимъ кораблямъ въ русскіе порты,—кофе, вино, сахаръ сильно вздорожали, а хлѣбъ, шерсть, сало перестали вывозиться. Ввозившіеся товары—вино, сахаръ, кофе—потребляли высшіе классы, дворянство, главнымъ образомъ. Дворяне же, помѣщики продавали на вывозъ сырье — хлѣбъ, кожи, сало и т. п. Они, стало-быть, прежде всего пострадали и стали роптать на правительство за миръ съ Франціей и союзъ съ Наполеономъ.

Дворяне были недовольны дружбой Александра I съ Наполеономъ и по другой причинѣ. Они боялись Франціи, французскихъ свободныхъ идей и вліянія ихъ на императора. Тѣмъ болѣе, что тогда главнымъ сотрудникомъ Александра былъ извѣстный либералъ Сперанскій, сторонникъ дружбы съ Франціей. Онъ уже замышлялъ конституцію и хотѣлъ уничтожить крѣпостное право.

Недовольство, ропотъ въ высшихъ кругахъ все росли и поднимались выше. Уже не стѣснялись бранить Наполеона и осуждать государя. Недовольные нашли себѣ поддержку даже при дворѣ. Мать государя, Марія Ѳеодоровна, сочувствовала имъ и, когда Александръ собрался въ 1808 году ѣхать на свиданіе съ Наполеономъ въ Эрфуртъ, написала ему письмо съ просьбой не ѣздить и разорвать дружбу съ Бонапартомъ. Императрица указывала государю, что отъ стѣсненія торговли все вздорожало, „нѣтъ сословія, которое не страдало бы, не было бы отягощено", государству грозитъ разореніе, просила внять ея мольбамъ и отсрочить свиданіе.

Александръ, однако, поѣхалъ, и все осталось попрежнему. Между тѣмъ стали, дѣйствительно, дорожать всѣ товары. Ассигнаціи (бумажныя деньги) упали въ цѣнѣ, за рубль стали давать 50—60 копеекъ, и потому все вздорожало. Недовольство перешло и къ другимъ классамъ населенія, становилось всеобщимъ. Наполеонъ же требовалъ все новыхъ

и новыхъ мѣръ противъ контрабанды. Александръ принималъ; но контрабанда продолжалась, и планъ Наполеона проваливался. Онъ горячился, негодовалъ на Александра, на Россію, вмѣшивался въ дѣла Россіи, начиналъ грозить войной.

Тогда Александръ, чтобы не подвергать Россію новымъ бѣдствіямъ и прекратить ропотъ населенія, отказался поддерживать Наполеона.

Сперанскій былъ уволенъ и отправленъ въ ссылку за французскія симпатіи, и дружба съ Наполеономъ смѣнилась враждой.

Наполеонъ же, видя, что мирными средствами Россіи нельзя удержать въ союзѣ, рѣшилъ принудить ее къ этому силой, т. е. войной. Безъ поддержки Россіи борьба съ Англіей не удавалась. Отказаться же отъ борьбы съ Англіей Наполеонъ не могъ. И, чтобы сломить Англію, онъ пошелъ завоевывать Россію.

Такъ оба императора—Александръ и Наполеонъ—силой обстоятельствъ были приведены къ войнѣ.

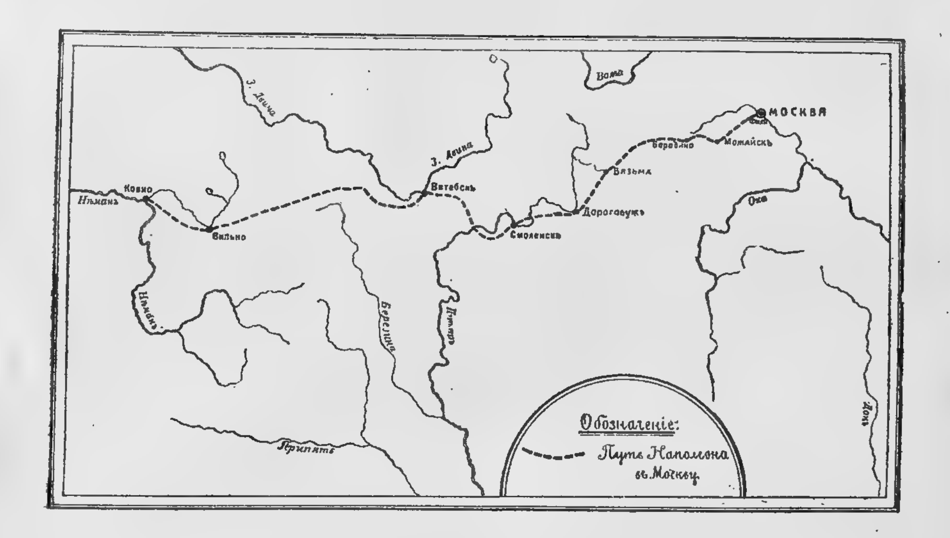
III.

Война еще не была объявлена, а приготовленія къ ней уже шли съ обѣихъ сторонъ. Наполеонъ зналъ, куда онъ идетъ и чѣмъ онъ рискуетъ, отправляясь въ Россію. „Мнѣ оказалъ бы большую услугу тотъ, кто избавилъ бы меня отъ этой войны,—говорилъ онъ самъ.—Но, что же дѣлать,—вотъ она пришла, надо съ ней развязаться“. И много труда положилъ Наполеонъ, чтобы подготовиться къ войнѣ.

Въ Россію было двинуто отъ 400 до 500 тысячъ войска. Не одинаковаго качества были эти войска. Лучшую часть, ядро составляли гренадеры,—закаленные въ бояхъ, преданные императору. Затѣмъ шли молодые французскіе солдаты, рекруты послѣдняго набора, наконецъ, иностранцы—нѣмцы,

австрійцы, итальянцы, испанцы и др. Этихъ вела въ Россію жажда добычи, и не мало ихъ разбѣжалось во время похода.

За войсками тянулись обозы съ провіантомъ, на волахъ и лошадяхъ. Отъ 5 до 6 тысячъ повозокъ было нагружено провіантомъ, отъ 8 до 10 тысячъ погонщиковъ сопровождали обозы и отъ 18 до 20 тысячъ лошадей и воловъ везли провіантъ. Солдатамъ были розданы ручныя мельницы для

размалыванія зеренъ. Эта огромная масса людей поражала своей пестротой и яркостью цвѣтовъ. Тутъ были всѣ роды оружія, всѣ національности, мундиры еще не износились, оружіе блистало. Можно было подумать, что происходитъ второе переселеніе народовъ только въ обратномъ направленіи—съ запада на востокъ.

Въ походѣ соблюдали осторожность и тайну. Шли больше по ночамъ, окольными путями, большихъ городовъ избѣгали, на бивуакахъ не задерживались.

Только самъ императоръ, слѣдовавшій за своей „большой арміей", шелъ съ блескомъ и шумомъ. Но не восторгъ

и крики радости провожали Наполеона въ путь въ подвластныхъ ему государствахъ. Недовольство, злоба и бѣглецы оставались позади его.

Это, впрочемъ, не смущало французскаго императора. Онъ надѣялся скоро окончить кампанію и поразить міръ новымъ завоеваніемъ. Москва была цѣлью похода Наполеона. Захвативъ ее, онъ думалъ отсюда, съ высотъ кремлевскихъ, продиктовать побѣжденному Александру мирныя условія.

10 іюня „большая армія“ и ея вождь стояли у русской границы, и войска были призваны Наполеономъ вторгнуться въ предѣлы Россіи.

„Солдаты! Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей и враждовать съ Англіей. Она нарушила эту клятву!.. Россія увлекается рокомъ! Она не избѣжитъ своей судьбы. Неужели она думаетъ, что мы измѣнились? Развѣ мы уже не воины Аустерлица? Она предлагаетъ намъ безчестіе либо войну: выборъ не подлежитъ сомнѣнію. Итакъ,—впередъ! Пройдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи!“

Съ такими словами обращался Наполеонъ къ своимъ войскамъ. Чтобы возбудить ихъ и оправдать себя, онъ даже обвинялъ русскаго императора въ томъ, въ чемъ тотъ былъ не виновенъ.

Александръ долго не рѣшался на войну и даже, готовясь къ ней, продолжалъ мирные переговоры. Но войны избѣжать было нельзя. И русскія войска были придвинуты къ западной границѣ еще до наступленія весны 1812 г., а 9 апрѣля выѣхалъ въ армію, въ Вильну, изъ Петербурга и самъ императоръ.

Всего было сосредоточено на западной границѣ до 200.000 войскъ. Ихъ раздѣлили на три арміи. 1-я армія, подъ командой военнаго министра Барклая-де-Толли, имѣла 127.000 пѣхоты и кавалеріи (въ ихъ числѣ 7,000 казаковъ) при 550 орудіяхъ и расположилась по правому берегу Нѣмана отъ

Россіенъ до Гродно на протяженіи 200 верстъ. Главная квартира въ Вильнѣ. 2-я армія, подъ командой князя Багратіона, въ 40.000 человѣкъ и 216 орудій, стала въ промежуткѣ между Нѣманомъ и Бугомъ въ Волковискѣ. 3-я, подъ командой генерала Тормасова, — 34.000 и 168 орудій— расположилась въ Волыни и Подоліи, въ запасѣ. Въ общемъ всѣ три арміи растянулись на 500 верстъ отъ Ковно до Луцка.

О войнѣ было возвѣщено 13 іюня приказомъ по войскамъ и рескриптомъ на имя фельдмаршала гр. Салтыкова въ Петербургъ.

„Не нужно мнѣ напоминать, — говорилось въ приказѣ,— вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами! На зачинающаго Богъ“.

Въ рескриптѣ государь говорилъ о своемъ миролюбіи, о вѣроломствѣ Наполеона, о своемъ рѣшеніи бороться до конца.

„Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной, принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ“.

Сначала у насъ думали дѣйствовать наступательно. Хотѣли встрѣтить Наполеона на границѣ, поднять противъ него здѣсь поляковъ, и въ тылу пруссаковъ и австрійцевъ, которымъ Александръ предлагалъ союзъ, и, во всякомъ случаѣ, не пускать Наполеона въ предѣлы коренной Россіи.

Поэтому и придвинули сюда къ границѣ всѣ войска. Въ томъ случаѣ, когда Наполеонъ станетъ наступать, 1-я армія Барклая должна была сдерживать его съ фронта и у г. Свенцанъ, недалеко отъ Вильны, принять сраженіе или отступить къ Дриссѣ и держаться здѣсь. Въ то же время 2-я армія должна была тѣснить французовъ съ фланга и тыла. Въ этихъ видахъ въ Вильну свезли огромное количество

запасовъ, а въ Дриссѣ устроили укрѣпленный лагерь для всей арміи. Наконецъ, генералъ Тормасовъ долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ и тылъ 2-й арміи и наблюдать за дѣйствіями австрійскаго корпуса Шварценберга.

Однако, дѣйствительность разбила всѣ эти планы. Наполеонъ перешелъ Нѣманъ и такъ быстро подошелъ къ Вильнѣ, что русскіе едва успѣли уйти отсюда. А Польша оказалась на сторонѣ французовъ, а не русскихъ. Точно также и австрійцы съ пруссаками союзу Александра предпочли союзъ Наполеона. Вмѣсто наступленія, русскимъ пришлось сразу же отступать. И позади осталась не только Вильна, но и Дрисса, укрѣпленія и огромные запасы провіанта. При этомъ обѣ русскія арміи, отступая, далеко разошлись и потеряли другъ друга изъ вида.

Онѣ разошлись какъ разъ тогда, когда рѣшено было ихъ соединить и вмѣстѣ ударить на врага. А Наполеону это и нужно было. Онъ уже рѣшилъ не дать русскимъ арміямъ соединиться и разбить по одиночкѣ.

Барклай со своей арміей, впрочемъ, благополучно добрался до Дриссы и двинулся дальше къ Полоцку и Витебску. Подъ Витебскомъ онъ даже хотѣлъ вступить въ бой съ французами. Но узнавъ, что Багратіонъ оттѣсненъ подъ Могилевомъ и они могутъ окончательно съ нимъ разойтись, снялся съ позиціи и отступилъ. Форсированнымъ маршемъ онъ направился къ Смоленску, чтобы занять его раньше французовъ и ждать сюда Багратіона. 19 іюля Барклай былъ въ Смоленскѣ.

Въ иномъ положеніи оказался Багратіонъ. Противъ него Наполеонъ послалъ маршала Даву, приказавъ, во что бы то ни стало, помѣшать ему соединиться съ Барклаемъ и разбить. И Даву быстро гнался за Багратіономъ. Подъ Могилевомъ онъ едва не настигъ его. Минута была рѣшительная. Но Багратіонъ опередилъ Даву всего на одинъ переходъ и окончательно ускользнулъ отъ французскаго маршала. Онъ устремился въ Смоленскъ и пришелъ сюда 22 іюля. Теперь

обѣ наши арміи находились въ Смоленскѣ, соединились, и планъ Наполеона рушился.

IV.

Александръ все время находился при первой арміи. Но въ Дриссѣ оставилъ армію и уѣхалъ въ Москву.

Война, очевидно, затягивалась. Приходилось отступать и завлекать непріятеля вглубь страны. Задѣвалось уже мирное населеніе. Однихъ войскъ въ такомъ случаѣ было мало. Теперь только весь народъ могъ отстаивать родину. И Александръ рѣшилъ, какъ онъ самъ говорилъ, „призвать народъ къ истребленію врага“.

6-го іюня былъ обнародованъ манифестъ о сборѣ ополченій.

„Непріятель вступилъ въ предѣлы наши,—говорилось въ манифестѣ, — и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силами и соблазнами потрясти спокойствіе Величайшей Державы“. Противъ него выставлены войска. Но силы его слишкомъ велики. И въ помощь арміи надо собрать внутри государства новыя силы, — силы русскаго народа. Поэтому все населеніе призывается „единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противъ всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній“. „Да встрѣтитъ непріятель въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына, въ каждомъ гражданинѣ Минина. Соединитесь всѣ со крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, и никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“.

Барклай-де-Толли, въ свою очередь, какъ главнокомандующій, вступивъ въ Смоленскую губернію, призвалъ народъ къ вооруженному возстанію.

Въ Москву было послано особое воззваніе къ ея жителямъ. Къ Москвѣ Александръ обращался, какъ „главѣ прочихъ городовъ“, какъ всегдашней руководительницѣ въ

Деларошъ. Наполеонъ.

борьбѣ за родину, и приглашалъ ее и теперь показать примѣръ другимъ.

„Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего,— говорилось въ заключеніи воззванія,— въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ“.

7-го іюля государь уѣхалъ.

Москва знала о начавшихся военныхъ дѣйствіяхъ и о пріѣздѣ Александра и волновалась. Его ждали здѣсь 11 іюля, и народъ съ утра толпился на улицахъ и площадяхъ. Но императоръ только въ десятомъ часу вечера пріѣхалъ въ Перхушково,—первую станцію отъ Москвы.

Здѣсь его встрѣтилъ генералъ-губернаторъ гр. Ростопчинъ, и Александръ отправился въ Москву.

Толпы народа ожидали проѣзда государя.

„Живописными группами расположились они по краямъ дороги; одни лежали, другіе сидѣли, почти у всѣхъ въ рукахъ были зажжены фонари. Цѣлые потоки свѣта заливали дорогу и затемняли лучи мѣсяца. Изъ всѣхъ деревень, лежавшихъ по пути, выходили священники, съ крестомъ въ рукахъ, въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи своихъ прихожанъ съ зажженными свѣчами“. Картина была торжественная, но въ настроеніи народа чувствовалась грусть. Мысль о войнѣ, о близости врага, жертвахъ омрачали душу, сердце сжималось.

На другой день съ утра Кремль и прилегающія къ нему улицы наполнились народомъ. Александръ едва могъ пробраться въ Успенскій соборъ на молебенъ. Пушечные выстрѣлы послѣ молебна возвѣстили о заключеніи мира съ Турціей. Дунайская армія освобождалась, и командиру ея Чичагову велѣно было идти въ Волынь и соединиться съ генераломъ Тормасовымъ.

15 іюля въ одной изъ залъ Слободского дворца (въ Лефортовѣ) собрали московское дворянство, въ другой—купечество. Въ ожиданіи пріѣзда государя гр. Ростопчинъ ходилъ среди дворянъ и горячо убѣждалъ ихъ отозваться на при-

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ.

зывъ царя. Въ другой залѣ то же самое дѣлалъ губернаторъ Обресковъ. Сначала государь вышелъ къ дворянамъ и сказалъ имъ, что положеніе Россіи тяжелое, силы врага превосходятъ наши силы. Нужно, чтобы весь народъ поднялся въ защиту. Дворянство не разъ спасало отечество. Оно должно сдѣлать это и теперь, „Въ полной увѣренности взываю къ вамъ, — закончилъ Александръ,—вы, подобно вашимъ предкамъ, не позволите восторжествовать врагамъ; этого ожидаютъ отъ васъ отечество и государь".

Затѣмъ онъ отправился къ купечеству и объяснилъ имъ, что союзъ съ Англіей скоро возобновится; но, чтобы торговля возстановилась, надо отразить Наполеона. А для этого нужны средства. Онъ не сомнѣвается, что московское купечество придетъ на помощь своими средствами.

Александръ остался доволенъ Москвой. Ему донесли, что дворянство обѣщалось поставить до 80.000 ополченцевъ и 3 милліона денегъ, а купечество—до 10 милліоновъ руб.

18-го іюня онъ уѣхалъ въ Петербургъ. Въ день отъѣзда государя былъ изданъ манифестъ о сборѣ ополченій съ 16 центральныхъ губерній. Во всѣ города понеслись курьеры съ пакетами. Синодъ отъ себя тоже выпустилъ воззваніе, въ которомъ призывалъ всѣхъ жертвовать, кто чѣмъ можетъ, ради спасенія отечества. И манифестъ, и воззваніе Синода священники читали вездѣ въ церквахъ. Предводители дворянства, губернаторы, въ свою очередь, приглашали народъ

помочь правительству въ борьбѣ съ врагомъ. Русскій народъ горячо отозвался на эти призывы. Не всѣ, правда, стали въ ряды ополченій, не все, что было обѣщано, дѣйствительно поступило въ казну, жертвовали даже непригодныя вещи, отъ которыхъ правительство отказалось. Но всюду нашлись и охотники поступить въ ополченія и пожертвовать послѣднимъ. И правительство получило большую помощь отъ народа. Историкъ Отечественной войны Богдановичъ говоритъ, что Россія выставила до 320.000 охотниковъ и пожертвовала не менѣе 100 милліоновъ рублей.

V.

Вторая столица встрѣтила иначе Александра, чѣмъ первая. Въ Москвѣ—энтузіазмъ, крики „ура". Въ Петербургѣ—спокойствіе, молчаніе.

Въ Петербургѣ были недовольны дѣйствіемъ русскихъ войскъ. Жаловались, что они отступаютъ.

Русскія войска, дѣйствительно, все время отступали. Въ этомъ винили главнокомандующаго Барклая-де-Толли. Между тѣмъ, онъ былъ мало виновенъ въ этомъ. Нѣмецъ по происхожденію, Барклай былъ искренно преданъ Россіи и Александру и не менѣе другихъ хотѣлъ нанести врагу ударъ. Но, какъ опытный воинъ, онъ видѣлъ, что предъ нимъ геніальный полководецъ и превосходныя войска. Бой могъ кончится пораженіемъ русской арміи. А другой арміи еще не было. Кто же тогда будетъ защищать Россію? Поэтому Барклай искалъ боя съ Наполеономъ, но не находилъ удобнаго случая и отступалъ. Онъ не горячился, берегъ свои силы, зная, что другихъ нѣтъ, не хотѣлъ рисковать всѣмъ. И отступалъ.

Багратіонъ, наоборотъ, не умѣлъ владѣть собой, горячился, рвался въ бой съ Наполеономъ, готовъ былъ все поставить на карту, лишь бы дать бой врагу. И требовалъ на-

ступленія, осуждалъ тактику Барклая, даже не хотѣлъ ему подчиняться.

Въ главной квартирѣ держали сторону не Барклая, а Багратіона и вмѣстѣ съ нимъ требовали наступленія. А такъ какъ Барклай все отступалъ, то нападали на главнокомандующаго, открыто порицали его. За генералами слѣдовало офицерство, а потомъ и солдаты. Въ концѣ концовъ всѣ

Наполеонъ подъ Смоленскомъ.

обрушились на Барклая, въ арміи царило недовольство, и падала дисциплина. Происходила борьба генераловъ въ ущербъ борьбѣ съ непріятелемъ, у котораго все держалось одной желѣзной волей Наполеона.

Когда обѣ арміи соединились подъ Смоленскомъ, Барклай и Багратіонъ примирились. Затихла на время вражда и въ главной квартирѣ. Надѣялись, что уже теперь-то отступленію конецъ. Соединившись, обѣ арміи ударятъ на врага. И

подъ стѣнами Смоленска, дѣйствительно, завязался бой—упорный и ожесточенный. Бой шелъ два дня, 4 и 5 августа; всѣ приступы непріятеля были отбиты. Потери Наполеона были вдвое больше нашихъ, и городъ остался за нами. Но удержанный нами городъ мы отдали французамъ. Барклай сопротивляться далѣе счелъ невозможнымъ и приказалъ отступать.

Свое дѣло Барклай сдѣлалъ мастерски, и сдачу Смоленска Наполеонъ оцѣнилъ не какъ свой успѣхъ, а какъ свою неудачу.

Наполеонъ хотѣлъ отбросить наши войска къ сѣверу, отрѣзать имъ путь и къ Москвѣ, и къ южнымъ губерніямъ съ ихъ запасами. Для этого онъ преслѣдовалъ обѣ наши арміи, спѣшилъ занять Смоленскъ, черезъ который шла дорога въ Москву, и для этого, когда арміи соединились, вступилъ съ ними въ рѣшительный бой, чтобы взять Смоленскъ.

Онъ и взялъ Смоленскъ. Но взялъ его, не разбивъ русскихъ и не отбросивъ къ сѣверу. Русскіе во-время отступили и вышли на московскую дорогу тогда, когда Наполеонъ ждалъ возобновленія боя и готовился еще ихъ разбить.

Значитъ, Наполеона опять постигла неудача. Какъ ему передъ этимъ не удалось помѣшать Багратіону соединиться съ Барклаемъ, такъ теперь не удалось отрѣзать русскихъ отъ Москвы.

Наполеонъ такъ и понялъ смоленское дѣло, какъ свою неудачу.

Путь къ Москвѣ закрытъ. На немъ стоитъ русская армія. И еще неизвѣстно, когда будетъ Москва въ рукахъ французовъ. Между тѣмъ „большая армія" уже устала, измучилась, разстроилась и даже уменьшилась. Невзгоды сразу, съ первыхъ шаговъ, свалились на французовъ въ Россіи.

Сначала, когда они перешли Нѣманъ, полили проливные дожди, и дороги превратились въ непроходимую грязь. Люди едва вытаскивали ноги. Обозы отстали и застряли въ

грязи. Лошади падали. Ихъ пало отъ Нѣмана до Смоленска до 10 тысячъ. Армія оказалась безъ провіанта и голодала цѣлыми днями. Появились грабежи, бѣгство солдатъ. Потомъ наступила страшная жара. Все засохло, изсякли колодцы и источники. Приходилось пить воду изъ грязныхъ канавъ. Среди солдатъ начались болѣзни. Въ концѣ концовъ Наполеонъ не досчитывался около 70,000 человѣкъ въ своей арміи.

Эти невзгоды и неудачи повергли императора французовъ въ мрачное настроеніе. Онъ сталъ говорить съ маршалами о зимовкѣ, не доходя до Москвы. Заговорилъ даже съ плѣннымъ русскимъ генераломъ Тучковымъ о мирѣ.

Смоленскимъ дѣломъ Барклай, значитъ, оказалъ большую услугу Россіи. Не разбивъ Наполеона, онъ разбилъ его планъ. Но въ нашей главной квартирѣ этого тогда не понимали. И, когда отданъ былъ приказъ отступать, здѣсь поднялась цѣлая буря, на голову главнокомандующаго посыпался цѣлый градъ упрековъ, обвиненій. Его объявили даже измѣнникомъ. Въ Петербургъ послали доносъ. Туда поѣхалъ находившійся въ арміи великій князь Константинъ Павловичъ просить смѣнить Барклая.

А въ Петербургѣ были рады этому случаю. Здѣсь, какъ мы знаемъ, общество давно уже было недовольно веденіемъ войны и Барклаемъ. Общество думало, что Наполеонъ будетъ разбитъ на границѣ, и война скоро окончится. Между тѣмъ наши войска все отступали, и непріятель все болѣе и болѣе входилъ вглубь страны. Онъ могъ дойти и до Петербурга. Это безпокоило петербуржцевъ. Ради собственной безопасности они требовали наступленія на непріятеля, смѣны главнокомандующаго,

Александръ довѣрялъ Барклаю, цѣнилъ его, какъ полководца, но идти противъ общества и главной квартиры не могъ. Барклая называли „измѣнникомъ“, авторитетъ его въ арміи былъ подорванъ. Какъ же было оставлять его во главѣ арміи и въ такой критическій моментъ?

8-го августа состоялось назначеніе главнокомандующимъ на мѣсто Барклая-де-Толли князя Мих. Илар. Кутузова, а 11 августа новый главнокомандующій отбылъ въ армію.

Кутузова хотѣло само общество. На него оно возложило всѣ свои надежды и заранѣе рѣшило, что онъ перестанетъ отступать и ужъ непремѣнно расколотитъ непріятеля. На пути ему устраивали торжественныя встрѣчи, выпрягали лошадей, везли на себѣ. Въ иныхъ же мѣстахъ поселяне падали на колѣни и молили его: „Спаси насъ, побѣй супостата!“

Армія встрѣтила новаго главнокомандующаго тоже съ восторгомъ. „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ“,—острили солдаты.

Самъ Кутузовъ принялъ свое назначеніе, какъ исполненіе долга предъ отечествомъ. Ему въ то время было около 70 лѣтъ, и, хотя онъ былъ ученикъ Суворова, боевой генералъ, однако, не льстилъ себя надеждой побѣдить „супостата“ такъ скоро, какъ расчитывали въ обществѣ и арміи. Онъ понималъ, что его противникъ—геніальный полководецъ. Онъ говорилъ, что разбить Наполеона не думаетъ, а обмануть надѣется.

М. И. Кутузовъ.

Пріѣздъ Кутузова въ армію.—Бородинскій бой.—Оставленіе русскими своихъ позицій и отступленіе къ Можайску.—Совѣтъ въ Филяхъ.—Москва покинута и опустѣла.—Движеніе французской арміи къ Москвѣ.—Наполеонъ на Поклонной горѣ.—Вступленіе французовъ въ Москву.—Начало пожаровъ.—Грабежи и насилія со стороны непріятеля.—Борьба Наполеона съ пожаромъ и грабежами.—Устройство городского управленія въ Москвѣ.—Театръ на Б. Никитской.

I.

Кутузовъ пріѣхалъ въ армію 17-го августа, когда она стояла у Царева-Займища, гдѣ Барклай предполагалъ дать битву.

„Развѣ съ такими молодцами можно отступать?"—сказалъ новый главнокомандующій, дѣлая смотръ войскамъ. Но, ознакомившись съ позиціей, приказалъ продолжать отступленіе.

На этотъ разъ, впрочемъ, отступленіе продолжалось недолго, 22 августа войска остановились у с. Бородино, въ 10-ти верстахъ отъ г. Можайска, и здѣсь Кутузовъ рѣшилъ всту-

пить въ бой съ непріятелемъ. Битвы требовали и армія и общество. Кромѣ того недалеко уже была Москва, которую нельзя же было отдать непріятелю безъ боя. Такъ разсуждалъ Кутузовъ и сталъ готовиться къ битвѣ.

Позиція, избранная нашимъ главнокомандующимъ для боя, представляла изъ себя обширное поле по обѣ стороны большой Смоленской дороги. Сторона, обращенная къ непріятелю (с. Бородино) — фронтъ — тянулась на 7 верстъ. Тутъ въ центрѣ протекалъ Семеновскій ручей, закрывавшій доступъ непріятелю. Съ правой стороны (фланга) находился лѣсъ между Москвой-рѣкой и Колочей, который составлялъ естественную защиту фланга. Съ лѣвой же стороны позиція была почти совсѣмъ открыта для непріятеля; росшій здѣсь кустарникъ, конечно, не представлялъ для него никакого препятствія. Между тѣмъ у Наполеона былъ планъ охватить нашъ лѣвый флангъ. Осуществивъ этотъ планъ, онъ могъ отрѣзать Кутузову путь къ Москвѣ.

Барклай-де-Толли.

Шевардинскій холмъ, возвышавшійся на Бородинскомъ полѣ, раздѣлялъ сражающихся.

Слабыя мѣста своей позиціи русскіе, насколько успѣли, оградили укрѣпленіями: батарея Раевскаго въ центрѣ и Семеновскія флеши *) на лѣвомъ флангѣ составляли главныя искусственныя укрѣпленія.

Войска русскія расположились въ такомъ порядкѣ. Правый флангъ и центръ заняла 1-я армія Барклая. Лѣвый флангъ 2-я армія Багратіона. Егеря выстроились съ праваго фланга и разсыпались въ кустахъ по лѣвому флангу. Кава-

*) Флеши—полевыя укрѣпленія.

лерія заняла вторую линію сражавшихся. А далѣе уже слѣдовали резервы. Всего съ нашей стороны вступило въ бой— 103,000 регулярныхъ войскъ при 640 орудіяхъ, 70,000 казаковъ и 10,000 смоленскихъ и московскихъ ополченцевъ.

Кн. П. И. Багратіонъ.

Къ 24-му августа и Наполеонъ былъ на мѣстѣ со своей арміей и сталъ готовиться къ бою.

Сдѣлавъ на разсвѣтѣ 25-го числа рекогносцировку, онъ объявилъ приказъ по войскамъ:

„Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ, она доставитъ намъ все нужное — удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ этотъ день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою!"

Приготовившись къ бою, французскія войска 25-го же заняли свои позиціи. На правой сторонѣ, значитъ, противъ нашего лѣваго фланга, сталъ корпусъ Понятовскаго; въ центрѣ, противъ с. Бородина, маршалъ Даву; на лѣвомъ— вице-король Мюратъ. Въ распоряженіи Наполеона было 130,000 войска и 587 орудій.

Свои войска Наполеонъ распредѣлилъ такъ, чтобы со всей силой обрушиться на нашъ лѣвый флангъ и центръ. Въ этомъ смыслѣ были отданы имъ распоряженія. Весь день 25-го августа онъ провелъ въ разъѣздахъ и дѣлахъ. Ночью не могъ заснуть, слишкомъ волновался. Кромѣ того простудился и получилъ сильный насморкъ.

Въ 5 часовъ утра 26-го августа Наполеонъ сѣлъ на ло-

шадь и отправился къ Шевардинскому редуту. Здѣсь онъ и остался, чтобы наблюдать за битвой.

Въ русскомъ лагерѣ ночь съ 25-го на 26-е августа прошла въ приготовленіяхъ къ бою. Солдаты готовились къ

Маршалъ Даву.

смерти, надѣвали чистыя рубахи, молились. По войсковымъ частямъ обносили икону Смоленской Божіей Матери. Кутузовъ объѣзжалъ войска и ободрялъ ихъ.

„Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрой и правдой до послѣдней капли крови. Надѣюсь на васъ. Богъ вамъ поможетъ. Отслужите молебенъ“,—такъ говорилъ главнокомандующій.

Русскіе заняли оборонительное положеніе. Начать наступленіе должны были французы.

II.

Ночь прошла, и поднявшееся 26-го августа солнце освѣтило своими лучами Бородинскую равнину и готовыхъ ринуться другъ на друга враговъ.

— Это солнце Аустерлица!—сказалъ Наполеонъ, направляясь рано утромъ къ Шевардинскому редуту. Онъ намекалъ на свою побѣду надъ русскими подъ Аустерлицемъ.

„Въ половинѣ шестого со стороны Шевардинскаго редута раздался одинокій пушечный выстрѣлъ, пронесся и за-

Вице-король Мюратъ.

меръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ; затрещала ружейная перестрѣлка, и вскорѣ огонь охватилъ все видимое поле сраженія. Градъ ядеръ, гранатъ, картечи и

ружейныхъ пуль изъ 1,500 орудій и 250,000 ружей въ теченіе всего дня потрясали и воздухъ, и землю подъ ногами бойцовъ, посылая смерть во всѣхъ направленіяхъ, и казалось, что никому не суждено спастись изъ этого ада".

Н. Н. Раевскій.

Начали французы. Они ринулись на лѣвый флангъ и центръ, согласно плану Наполеона. Батарея Раевскаго въ центрѣ и Семеновскія флеши на лѣвомъ флангѣ сдѣлались такимъ образомъ главными пунктами, около которыхъ завязался и все время шелъ бой. Французы наступали, русскіе отбивали атаки.

Семеновскія флеши переходили изъ рукъ въ руки, пока французы окончательно не завладѣли ими, и русскіе отступили. До шести атакъ пришлось сдѣлать французамъ на Семеновскія флеши. Маршалъ Даву былъ здѣсь главнымъ героемъ дня. Съ русской стороны дѣйствовали Багратіонъ, а потомъ Дохтуровъ. Артиллерійская канонада здѣсь смѣшивалась съ ружейной стрѣльбой; кавалерійскія атаки смѣнялись рукопашнымъ боемъ.

5-я и 6-я атаки въ особенности отличались жестокимъ характеромъ.

„Было уже 11 часовъ дня, когда французы въ пятый разъ подступили къ флешамъ. Черезъ полчаса послѣдовала шестая и послѣдняя атака на флеши. Весь фронтъ нашего лѣваго крыла двинулся навстрѣчу и вступилъ въ отчаянный рукопашный бой. Перемѣшалось все—пѣхота, кавалерія и артиллерія. Бились штыками, прикладами, тесаками, банниками. Одни только резервы обѣихъ сторонъ стояли въ отдаленіи неподвижно". Въ этотъ моментъ Багратіонъ получилъ смертельную рану, и его смѣнилъ Дохтуровъ. Въ 11½ часовъ флеши были сданы французамъ.

Въ центрѣ русскіе должны были выдержать три атаки противъ батареи Раевскаго.

Здѣсь дѣйствовалъ вице-король Мюратъ. Взявъ Бородино, онъ проникъ къ батареѣ Раевскаго и осадилъ ее въ 10 часовъ утра. Первую атаку русскіе отбили. Раевскій, Ермоловъ. Барклай упорно защищали свои позиціи. Успѣхъ все время колебался. Но послѣ третьяго приступа батарея осталась за французами.

Русскіе обнаружили здѣсь необыкновенную стойкость и храбрость. Полковникъ Монохтинъ, чтобы воодушевить солдатъ, бросился впередъ со словами—„Ребята! эта батарея—Россія, отстоимъ ее грудью богатырскою". Пораженный картечью въ животъ, онъ тутъ же палъ. Генералъ Лихачевъ былъ захваченъ въ плѣнъ. Его повалили на землю французскіе солдаты, стали колоть штыками, и только Мюратъ, узнавъ въ немъ генерала, остановилъ солдатъ.

Съ французской стороны на батареѣ Раевскаго палъ Коленкуръ.

Наполеонъ все время боя находился у Шевардинскаго редута и отсюда отдавалъ распоряженія. Въ рѣшительный моментъ, когда Семеновскія флеши перешли къ французамъ, маршалы настойчиво требовали подкрѣпленія гвардіей, чтобы нанести русскимъ послѣдній ударъ. Но Наполеонъ не рѣшился на это. „Въ трехъ тысячахъ верстахъ отъ Парижа нельзя жертвовать послѣднимъ резервомъ",—сказалъ онъ. И гвардія осталась.

Кутузовъ, по своему обыкновенію, сидѣлъ на скамейкѣ у с. Горокъ, въ центрѣ позиціи, и въ зрительную трубу слѣдилъ за ходомъ боя. Потеря Багратіона повергла его въ печаль. Когда ему донесли о занятіи флешей, онъ сказалъ Ермолову: „Съѣзди, голубчикъ, посмотри, нельзя ли что сдѣлать"... Тревоги дня утомили старика. Онъ начиналъ дремать.

Между тѣмъ солнце склонилось къ западу, бой затихалъ. Войска утомились. И послѣ жестокой канонады въ 3 часа, орудія стали смолкать, а въ 9 часовъ вечера съ насту-

пленіемъ темноты поле сраженія замолкло совсѣмъ. Бой кончился.

Кутузовъ считалъ себя въ первый моментъ побѣдителемъ, и когда ему донесли, что войска наши пришли въ разстройство и дѣло проиграно, онъ не повѣрилъ и разсердился. Въ пылу раздраженія онъ сейчасъ же велѣлъ объявить по войскамъ приказъ о возобновленіи боя на утро. Но вмѣсто приказа о наступленіи въ полночь генералъ Барклай получилъ приказъ объ отступленіи.

Во время боя русскія войска, уступивъ французскимъ свои первыя позиціи, перешли на вторыя. Теперь они оставили и эти вторыя позиціи и отошли на шесть верстъ отъ Бородина къ Можайску. Въ Петербургъ Кутузовъ донесъ, что Бородинскій бой сильно разстроилъ наши войска, армія понесла большія потери людьми, снаряды почти всѣ разстрѣляны и продолжать бой нѣтъ возможности. Поэтому онъ приказалъ отступить. О сдачѣ позицій Кутузовъ умолчалъ.

Въ обѣихъ столицахъ донесеніе Кутузова истолковали, какъ побѣду надъ французами, и въ такомъ духѣ объявили народу. Населеніе ликовало, служили молебны, думали о концѣ войны.

На самомъ дѣлѣ побѣды не было. О побѣдѣ не говорилъ и Кутузовъ въ своемъ донесеніи. Наполеонъ не достигъ своей цѣли. Это—правда. Онъ не уничтожилъ русской арміи. Храбрость русскихъ поразила его и показала, какъ трудно съ ними бороться.

— Если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день передъ алтаремъ правды, то слава, конечно, признала бы насъ братьями,—такъ отмѣтилъ геройство русскихъ участникъ Бородина, принцъ Евгеній Вюртембергскій.

Собственная армія Наполеона понесла огромный уронъ. Бородинская битва—міровая битва, одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и жестокихъ. На полѣ сраженія легло съ русской стороны до 52,000 человѣкъ, т. е. половина арміи, съ

французской—до 35,000 человѣкъ. Наполеонъ даже задумался надъ своимъ походомъ въ Россію, видя упорство русскихъ. Но русскіе не удержали своихъ позицій, отступили, и дорога къ Москвѣ для Наполеона оказалась открытой. Это и нужно было ему теперь.

Но уступятъ ли ему русскіе Москву безъ боя?—спрашивалъ себя Наполеонъ и, не расчитывая, что уступятъ, думалъ о новомъ боѣ.

Тотъ же вопросъ ставилъ себѣ и Кутузовъ. И тоже думалъ о боѣ. Но, когда русская армія подошла къ Москвѣ и остановилась около Воробьевыхъ горъ въ д. Филяхъ, престарѣлый вождь русскихъ войскъ заколебался. Для рѣшенія такого важнаго вопроса онъ созвалъ генераловъ на военный совѣтъ.

Въ крестьянской избѣ 1-го сентября собрались русскіе генералы рѣшать участь Москвы. Голоса раздѣлились. Одни стояли за битву,—Беннигсенъ въ особенности. Другіе, какъ Барклай-де-Толли, считали невозможнымъ жертвовать ради Москвы арміей. Москва еще не Россія. Армія же — Россія. Такъ говорили они. Горячіе споры между генералами прекратилъ до сихъ поръ молчавшій главнокомандующій.

— Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія,—сказалъ Кутузовъ, поднявшись со скамейки.—Приказываю отступать.— Онъ считалъ своимъ долгомъ беречь армію, какъ единственную надежду всей Россіи.

III.

Въ Москвѣ еще не знали о рѣшеніи въ Филяхъ. Но знали уже, что послѣ Бородинскаго боя русская армія снова отступила, и непріятель быстро идетъ за ней по пятамъ. Страхъ охватилъ москвичей, и многіе стали спѣшно собирать свои пожитки и уѣзжать изъ Москвы. Когда же Кутузовъ далъ знать Ростопчину, что Москва имъ отдается безъ боя, здѣсь произошелъ переполохъ, и населеніе, охваченное ужасомъ, буквально обратилось въ бѣгство. Въ однѣ сутки нельзя

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

было узнать Москвы. Такъ быстро она опустѣла. Только у заставъ было оживленіе и движеніе. Здѣсь толпились и давили другъ друга уѣзжавшіе изъ столицы. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Москвы спѣшилъ изъ нея, являлъ картину единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько и забавную. „Тамъ четвероместную тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжены были пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которая и понынѣ еще въ большомъ употребленіи у небогатыхъ, сидѣла зажиточная мѣщанка или купчиха въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили въ обходъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ бѣгствомъ, и несчастный ихъ вой сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ".

Страхъ неудержимо гналъ людей. Одни искали спасенія въ окружающихъ лѣсахъ, другіе въ отдаленныхъ деревняхъ. На 50 верстъ кругомъ Москвы разбѣжалось населеніе.

Москва оставлена, сдана безъ боя, врагъ близко, его можно ждать вездѣ каждую минуту; французовъ уже многіе видѣли по деревнямъ. Вотъ вѣсти и слухи, которые мгновенно облетѣли обширную Россію. Страхъ нападалъ на людей не только тамъ, гдѣ шелъ непріятель, но даже въ отдаленныхъ отъ театра войны мѣстахъ.

„Гдѣ ни проѣзжали мы, — разсказываетъ одинъ очевидецъ, — вездѣ мы видѣли страшное отчаяніе. Церкви были полны народомъ; молились на колѣняхъ, плача и рыдая. Рѣдко проходило, чтобы женщины не падали въ обморокъ или истерику".

Въ Наполеонѣ всѣ видѣли антихриста, въ нашествіи французовъ — послѣднія времена. „Женскій полъ являлъ сцены трогательныя, раздирающія душу. Старыя крестьянки, въ обыкновенное время столь крикливыя и сварливыя, казались молчаливо сердитыми. Молодыя же, въ избыткѣ чувствъ и горести, по-своему краснорѣчиво выражали ее, разставаясь

съ родимымъ гнѣздомъ. „Прости, моя милая горенка; долго холила, чистила и мыла я тебя; теперь, видно, пришлось въ послѣдній разъ омыть тебя только горючими слезами“,—приговаривали онѣ“.

Среди крестьянъ начинались волненія. Ходили по рукамъ листки, прокламаціи, въ которыхъ обѣщалась крестьянамъ воля. Такіе листки распространялъ Наполеонъ, чтобы поднять народъ, привлечь его на свою сторону. Нашлись въ деревняхъ и свои подстрекатели. Въ Тульской губерніи видѣли, какъ около церкви въ одномъ селѣ собралась огромная толпа крестьянъ и взобравшійся на телѣгу человѣкъ говорилъ имъ, чтобы они не пугались Бонапарта, такъ какъ онъ пришелъ въ Россію, чтобы освободить крестьянъ и истребить помѣщиковъ. Все крестьянство Наполеону не удалось поднять. Онъ самъ сознавался въ своей неудачѣ. Но все-таки его прокламаціи сдѣлали свое дѣло. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне выживали помѣщиковъ, грабили и жгли усадьбы, убивали приказчиковъ и уходили на всѣ четыре стороны.

IV.

Французы такъ быстро шли за отступавшей русской арміей, что Кутузовъ долженъ былъ отрядить Милорадовича сдерживать ихъ, чтобы дать возможность очистить Москву и отступить въ порядкѣ. Въ концѣ концовъ даже послали парламентера штабъ-ротмистра Акинфіева переговорить съ французами о сдачѣ Москвы, оставленіи на ихъ попеченіе раненыхъ и сдержать ихъ нѣсколько этими переговорами.

2-го сентября Наполеонъ былъ уже у самой Москвы и, переночевавъ въ подгородной дачѣ, на утро отправился въ столицу.

Авангардъ французской арміи уже вступилъ на Поклонную гору, и его глазамъ при свѣтѣ яркаго ослѣпительнаго солнца представилась чарующая картина.

„Было около двухъ часовъ пополудни. Тысячами различ-

Гр. М. А. Милорадовичъ.

ныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: — „Москва! Москва!“ Затѣмъ всякій усиливалъ шагъ, всѣ смѣшались въ безпорядкѣ, били рука объ руку, съ восторгомъ повторяя:—„Москва! Москва!“ Такъ кричатъ моряки:—земля, земля!—послѣ долгаго и мучительнаго плаванія. Они были у цѣли похода. Ихъ ждалъ теперь отдыхъ и богатая добыча. Потому съ такимъ восторгомъ они и смотрѣли на разстилавшуюся передъ ними Москву.

„Въ эту минуту было забыто все—опасности, труды, усталость лишенія,—разсказываетъ участникъ похода сержантъ Бургонь,—и думалось только объ удовольствіи вступить въ Москву и устроиться на удобныхъ квартирахъ на зиму“.

Вслѣдъ за авангардомъ въѣхалъ на Поклонную гору и самъ императоръ французовъ. „Наконецъ, вотъ этотъ знаменитый городъ!—воскликнулъ онъ, прибавивъ затѣмъ,—да и пора уже!“ Его лицо сіяло радостью, потому что онъ былъ увѣренъ, что, занявъ Москву, заключитъ миръ, какъ ему будетъ угодно.

Окруженный свитой, Наполеонъ любовался Москвой въ зрительную трубу, упивался своимъ успѣхомъ. Когда войска подошли къ заставамъ—Тверской и Калужской,—по приказу императора, раздался пушечный выстрѣлъ, — сигналъ къ вступленію въ столицу.

„Въ то же мгновеніе авангардъ и часть стоявшей позади его главной арміи, конница и артиллерія, съ невѣроятнымъ стремленіемъ поскакали во весь опоръ. Пѣхота бѣжала бѣгомъ. Топотъ лошадей, скрипъ колесъ, трескъ оружія смѣшивались съ шумомъ бѣгущихъ солдатъ, сливаясь въ дикій

и ужасный гулъ. Свѣтъ померкъ отъ поднявшейся густымъ столбомъ пыли, и вся земля какъ бы заколебалась и застонала отъ такого движенія. Чрезъ какія-нибудь 12 минутъ всѣ очутились у Дорогомиловской заставы".

Воздухъ оглашался криками: „Да здравствуетъ императоръ"!

Наполеонъ на Поклонной горѣ.

Наполеонъ, пока войска съ музыкой вступали въ городъ, оставался у Камеръ-Коллежскаго вала и послалъ своего адъютанта прислать къ нему изъ Москвы депутацію съ ключами города. Онъ ждалъ „бояръ-челобитчиковъ", сдающихся на милость побѣдителя. Но вмѣсто бояръ ему принесли извѣстіе, что Москва пуста, оставлена жителями.

Наполеонъ не хотѣлъ вѣрить. Нѣтъ ли здѣсь обмана? Съ такимъ же чувствомъ недовѣрія проходили и французскія войска по опустѣвшимъ улицамъ столицы. На мостовой лежалъ разбросаннный хламъ, разбитыя бутылки и бочки изъ-подъ вина, колеса, сломанный лафетъ пушки — слѣды поспѣшнаго отступленія и бѣгства жителей. Попадались изрѣдка не успѣвшіе выѣхать или просто оставшіеся обыватели. Большею частію это были выпущенные изъ тюрьмы арестанты да оборванцы. Толпа такихъ людей на глазахъ французовъ расправилась съ купеческимъ сыномъ Верещагинымъ. Гр. Ростопчинъ заподозрилъ его въ измѣнѣ и отдалъ его возбужденной толпѣ, а самъ поспѣшно выѣхалъ изъ столицы. Когда французскія войска входили въ Москву, толпа тащила по мостовой уже бездыханное тѣло Верещагина.

Войска расположились на ночлегъ въ Москвѣ, а Наполеонъ остался переночевать въ Дорогомиловской слободѣ. Онъ въѣхалъ въ Москву лишь на слѣдующій день и поселился въ Кремлевскомъ дворцѣ.

— Вотъ эти гордыя стѣны, — сказалъ онъ, глядя на Кремль. — Наконецъ я въ Москвѣ, въ древнемъ дворцѣ царей, въ Кремлѣ.

Онъ съ гордостью думалъ о мирныхъ переговорахъ, о зимовкѣ здѣсь, о возобновленіи кампаніи весной.

Пустота, тревожившая французовъ, оказалась не притворной. Москва, дѣйствительно, была оставлена жителями. Но едва французы расположились на покой, какъ явилась новая, уже не призрачная, а настоящая и притомъ болѣе грозная, чѣмъ пустота, опасность. Начались пожары.

Пройдя 15 верстъ отъ Москвы, изъ деревни Панки наши войска увидали надъ Москвой зарево. „Въ продолженіе ночи пожаръ усилился, и поутру 3-го сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ обозначалась пламенемъ. Огненныя волны восходили до небесъ, а черный густой дымъ, клубясь по небосклону, разстилался до насъ“, — разсказывалъ очевидецъ.

„Вотъ тебѣ и златоверхая Москва!“ — говорили солдаты, глядя на зарево.

Сначала пожаръ вспыхивалъ въ разныхъ мѣстахъ то тамъ, то здѣсь, какъ бы случайно; потомъ стали горѣть цѣлые кварталы; наконецъ, огонь сдѣлался повсемѣстнымъ. Горѣлъ Гостиный дворъ-городъ, Зарядье, Балчугъ, затѣмъ занялось все Замоскворѣчье. Горѣло на Покровкѣ, на Нѣмецкой. Пожары въ особенности усилились въ ночь съ 3-го на 4-ое сентября, когда поднялся сильный вѣтеръ, скоро перешедшій въ ураганъ. Очевидцы оставили намъ описаніе этого ужаснаго пожара.

— „Изъ моихъ оконъ, — разсказываетъ одинъ свидѣтель пожара, — видно было, какъ сперва огонь вспыхнулъ на той сторонѣ рѣки, гораздо позади комиссаріата, и потомъ началъ распространяться мало-по-малу по направленію вѣтра. Въ одинъ часъ огонь разнесся въ десять различныхъ мѣстъ, такъ что все огромное пространство по ту сторону рѣки, застроенное домами, превратилось въ море пламени, волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося повсюду опустошеніе и ужасъ. Въ то же самое время пожаръ снова вспыхнулъ еще съ большею силою въ Китай-городѣ. Особенно тамъ, гдѣ были лавки, огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ товарахъ, которые были заперты въ лавкахъ. Пока пожаръ превращалъ въ пепелъ *городъ*, остальныя части Москвы также пылали: Пречистенка, Арбатъ, Тверская, Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы и Яузки, все было въ пламени. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки; а вслѣдствіе расширенія воздуха отъ теплоты буря еще болѣе усиливалась; никогда небо не являло людямъ зрѣлища ужаснѣе этого“.

Огонь добрался до Кремля, и опасность стала грозить дворцу.

Тогда Наполеонъ рѣшилъ оставить Кремль и переселиться за городъ въ Петровскій дворецъ. Однако, не такъ легко был

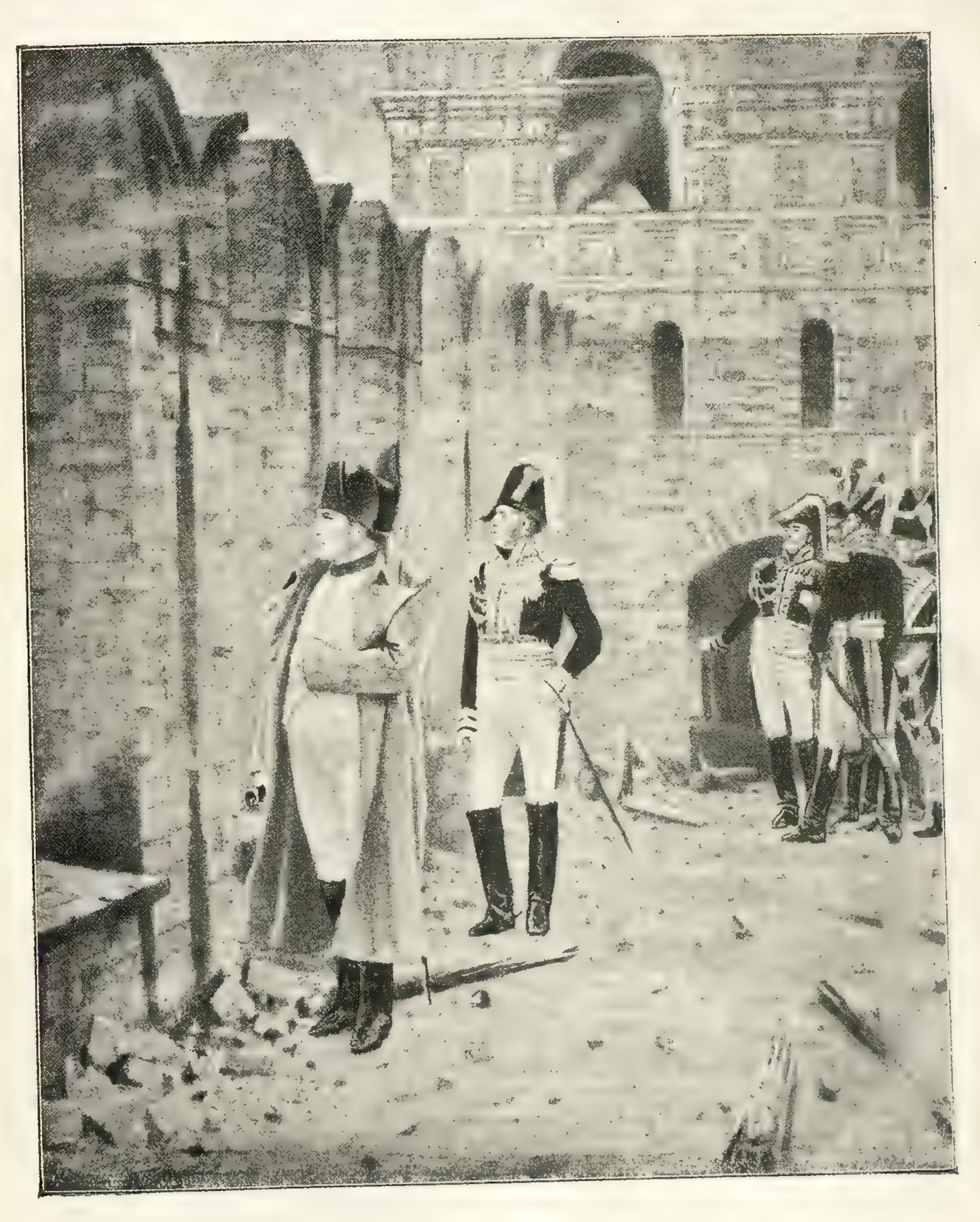
сдѣлать это. Пламя и удушливый дымъ заградили выходъ изъ Кремля, и по Тверской не было никакой возможности идти среди горѣвшихъ домовъ. Пришлось выйти изъ Кремля, спустившись къ Москвѣ-рѣкѣ, и пробираться къ Петровскому дворцу окольными путями, переулками Арбата. „Окруженный свитой и старой гвардіей Наполеонъ вошелъ въ море огня. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ пѣшкомъ, не колеблясь, пошелъ впередъ по этой улицѣ. Онъ шелъ среди треска пылающихъ домовъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ, среди падавшихъ вокругъ него горящихъ бревенъ и раскаленныхъ кровельныхъ листовъ желѣза. Груды обломковъ затрудняли его путь. Пламя, высоко поднимавшееся надъ крышами, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза; но мы не могли закрыть ихъ и должны были пристально смотрѣть впередъ".

Такъ описываетъ путешествіе Наполеона его адъютантъ, гр. Сегюръ.

Наполеонъ негодовалъ. Ему было досадно, что вмѣсто богатой и населенной столицы имъ досталась груда дымившихся развалинъ. Онъ былъ раздраженъ, что русскіе обманули его, сожгли городъ. „Что за люди,—это скиѳы!"

Сжечь городъ распорядился гр. Ростопчинъ. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ оставилъ полицейскаго чиновника Вороненко поджечь казенные склады и барки на Москвѣ-рѣкѣ. А пожарные обозы были заранѣе увезены. Въ роли поджигателей должны были выступить также выпущенные изъ тюремъ арестанты. И французы не мало переловили ихъ и разстрѣляли за поджоги. Во многихъ мѣстахъ, впрочемъ, пожаръ произошелъ безъ поджога, по неосторожности.

Съ 5 сентября пожаръ сталъ утихать. Наполеонъ распорядился принять самыя энергичныя мѣры для тушенія пожара. Кромѣ того, въ ночь на 6-е сентября пошелъ про-

В. Верещагинъ. Наполеонъ въ Кремлѣ.

ливной дождь, ослабившій силу огня, и 8-го сентября, когда пожаръ совсѣмъ прекратился, французскій императоръ въѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ.

V.

Вмѣстѣ съ пожаромъ происходили грабежи. Грабили какъ французы, такъ и оставшіеся въ Москвѣ русскіе. Наполеонъ не преслѣдовалъ грабителей, по крайней мѣрѣ, поначалу. И солдаты, даже офицеры предавались самому беззастѣнчивому грабежу и надругательству надъ Москвою, надъ московскими памятниками и святынями. Изголодавшіеся, обносившіеся, они прежде всего набросились на съѣстные припасы, чтобы заморить голодъ, и на магазины съ платьемъ, чтобы одѣться поприглянднѣй! Въ первую голову были разграблены мучные и хлѣбные склады, съѣстныя лавки, а затѣмъ пошли въ ходъ винные погреба и кабаки. Дно въ бочкахъ выламывали и вино выпивали, чѣмъ пришлось—кружками, ложками или просто пригоршнями. Напившіеся тутъ же валялись въ лужахъ разлившагося по улицамъ вина.

Одежду брали, не разбирая, какая попадется подъ руку, и тутъ же напяливали на себя. Получалась невѣроятная смѣсь всякаго платья — военнаго съ штатскимъ, духовнаго со свѣтскимъ, какой-то маскарадъ. „Здѣсь встрѣчался усатый гренадеръ въ священническихъ ризахъ и въ треугольной шляпѣ; тамъ въ женскомъ салопѣ и съ епитрахилью на шеѣ; здѣсь въ женской мантильѣ, въ шароварахъ и въ каскѣ; тамъ въ бѣломъ плащѣ и съ алымъ кокошникомъ на головѣ. Вотъ еще одинъ въ діаконскомъ стихарѣ; тутъ верхомъ въ монашеской рясѣ съ краснымъ перомъ на шляпѣ; здѣсь куча солдатъ въ женскихъ юбкахъ, завязанныхъ вокругъ шеи".

Наконецъ, грабежъ обратился на драгоцѣнности. Церкви, монастыри были главными сокровищницами золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней и просто денегъ. И они прежде всего подверглись самому безпощадному разграбленію. Кое-что за-

ранѣе было вынесено и спрятано подальше. Но много и осталось. И рѣдкій монастырь, рѣдкая церковь миновала грабителей. Ризы, церковные сосуды, паникадила, брильянты иконъ, деньги въ церковныхъ ящикахъ,—все привлекло вниманіе грабителей, все было расхищено. Недовольствуясь тѣмъ, что оказывалось въ наличности, грабители хватали священниковъ за горло и требовали указать, гдѣ спрятаны сокровища. Отказывавшихся это сдѣлать истязали, мучили, даже убивали. Ограбленныхъ монаховъ и священниковъ, даже самыхъ дряхлыхъ, заставляли тащить за собой награбленное имущество. Для таcканья награбленнаго употребляли дѣтей.

Вмѣстѣ съ грабежомъ совершали дикое кощунство. Святыни подвергались поруганію и оскверненію. Престолы употреблялись вмѣсто столовъ, иконами топили печи, ризами покрывали лошадей, покровами—столы и постели, изъ церковныхъ сосудовъ пили вино и воду. Самыя церкви были обращены не только въ жилье, но даже въ стойла для лошадей. Солдаты и офицеры заняли подъ квартиры не только монастырскія кельи, но и церкви, не исключая и соборовъ. Въ Успенскомъ соборѣ на мѣстѣ паникадилъ висѣли вѣсы для взвѣшиванья выплавленнаго золота и серебра, награбленнаго въ церквахъ. Здѣсь же стояли и самыя плавильныя печи. У стѣнъ были сдѣланы стойла для лошадей. Въ церкви Спаса на Бору и Николы Гостунскаго помѣщались склады овса, сѣна и соломы. Въ Чудовомъ монастырѣ очень часто располагался на ночлегъ маршалъ Даву послѣ позднихъ докладовъ императору. Алтарь служилъ ему спальней.

Уцѣлѣвшая отъ пожара дорогая обстановка барскихъ домовъ, статуи, картины, если не брались съ собой, то портились, ломались, уничтожались. Отъ рукъ французовъ погибла цѣнная библіотека Бутурлина. Однимъ словомъ, французы и ихъ сотоварищи по оружію, обнаружили поразительное неуваженіе къ религіи и дикое варварство.

Во многомъ здѣсь были виноваты начальники, маршалы. Тамъ, гдѣ грабителямъ не давали спуска, не было и грабежа.

Такъ поступалъ Коленкуръ, генералъ Кампанъ. Они даже оказывали защиту несчастнымъ москвичамъ, оставшимся безъ крова и пищи. Главный докторъ арміи Ларрей далъ пріютъ раненымъ, ухаживалъ за русскими больными. Объ этихъ людяхъ въ Москвѣ сохранилась самая хорошая память.

Свои грабители, — выпущенные изъ тюремъ арестанты и пришлые въ Москву изъ окрестностей искатели поживы, — не мало тоже надѣлали безобразій. Они толпами ходили по городу и работали рука объ руку съ наполеоновскими солдатами. Иногда эти свои грабители были опаснѣй чужихъ.

А. де-Коленкуръ.

Грабежу подверглась не одна Москва, но и ея окрестности. Въ Кусковѣ, Останкинѣ и другихъ богатыхъ усадьбахъ все было разграблено и уничтожено.

Вотъ какую картину представляла изъ себя Москва послѣ занятія ея Наполеономъ.

Жизнь окончательно вышла изъ своей колеи. Припасы оскудѣли, въ войскахъ упала дисциплина. Солдаты грабежомъ только и занимались. Это для нихъ было и развлеченіемъ и средствомъ пропитанія. Дѣло дошло до того, что они грабили на глазахъ начальства, даже самого императора. Тогда только Наполеонъ обратилъ вниманіе и, опасаясь разложенія арміи, издалъ приказъ для прекращенія грабежей.

„Солдаты, которые будутъ пойманы и уличены въ грабежѣ съ завтрашняго дня (18-го сентября), будутъ предаваемы

военному суду и судимы по всей строгости закона", — гласилъ указъ императора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ было организовано городское управленіе въ Москвѣ, чтобы ввести жизнь въ колею, обезпечить порядокъ, безопасность жителямъ столицы и продовольствіе.

Маршалъ Мортье занялъ мѣсто губернатора и взялъ въ свое вѣдѣніе полицію, а Лессепсъ, бывшій посломъ въ Петербургѣ, былъ назначенъ начальникомъ городского управленія. Самое же управленіе составилось изъ иностранцевъ и русскихъ. Только уступая необходимости, подъ угрозой расправы, русскіе соглашались занимать должности, предлагавшіяся имъ отъ имени французскаго императора.

Наконецъ, Наполеонъ позаботился также о развлеченіяхъ для своихъ войскъ и мирнаго населенія Москвы. На Большой Никитской въ великолѣпномъ домѣ Познякова, уцѣлѣвшемъ отъ пожара, устроили театръ, и черезъ три дня послѣ приказа Наполеона въ немъ начались спектакли. Оркестръ состоялъ изъ полковыхъ музыкантовъ и двухъ русскихъ — скрипача и віолончелиста. Въ первыхъ рядахъ креселъ сидѣли обыкновенно гвардейцы, остальные ряды занимали солдаты. Въ ложахъ же помѣщались офицеры и дамы, француженки. За входъ платилъ каждый, сколько могъ, — билетовъ не было, афиши были писанныя. Театръ посѣщали также маршалы и генералы, щедро платя при входѣ собиравшимъ деньги женщинамъ.

Наполеонъ очень интересовался театромъ, но самъ не бывалъ въ немъ. Послѣ ежедневныхъ смотровъ войскъ и прогулокъ по городу онъ развлекалъ себя тѣмъ, что слушалъ въ концертной залѣ въ Кремлѣ итальянскаго пѣвца Тарквиніо и піаниста Мартини или, окруженный свитой, ходилъ взадъ и впередъ по заламъ ярко освѣщеннаго дворца и размышлялъ вслухъ, говорилъ о литературѣ и театрѣ. Такимъ путемъ Наполеонъ хотѣлъ отогнать отъ себя невеселыя мысли о неизвѣстномъ ближайшемъ будущемъ.

Выходъ Наполеона изъ Москвы черезъ Калужскую заставу.

Переходъ русскихъ войскъ на старую Калужскую дорогу и остановка въ Тарутинѣ.—Жизнь въ Тарутинѣ.—Пріѣздъ Коленкура.—Недовольство Александра Кутузовымъ.—Тарутинскій бой.—Выступленіе Наполеона изъ Москвы. — Взрывъ Кремля. — Малоярославецъ. — Отступленіе „большой арміи".—Партизаны и народная война.—Дѣло при Вязьмѣ.—Перемѣна погоды и первый снѣгъ.—Смоленскъ.—Красный.—Остановка Наполеона въ Оршѣ.—Чичаговъ и Витгенштейнъ.—Переправа черезъ Березину.—Вильна.—Окончаніе войны.

I.

Пройдя черезъ Москву, Кутузовъ перевелъ свои войска съ Рязанской дороги на Тульскую, а потомъ войска вышли на старую Калужскую дорогу и остановились у села Тарутина на полпути между Москвой и Калугой. „Теперь ни шагу назадъ",—сказалъ Кутузовъ, расположивъ лагеремъ войска. На этотъ разъ онъ не ошибся,—отступленіе русской арміи кончилось, и вскорѣ началось наступленіе.

Тарутино выбрали по совѣту Барклая, чтобы держать въ рукахъ всѣ дороги къ Калугѣ и во-время предупредить непріятеля, если бы онъ вздумалъ захватить какъ Калугу съ

ея запасами, такъ и Тулу и Брянскъ съ оружейными и литейными заводами,—важные вспомогательные пункты русской арміи, снабжавшіе ее провіантомъ и снарядами.

Войска русскія находились въ разстройствѣ. Много было отсталыхъ, дезертировъ, пошатнулась дисциплина, ощущался недостатокъ въ одеждѣ, въ провіантѣ, наконецъ, не хватало ружей и боевыхъ припасовъ. Чувствовалось также сильное утомленіе.

Однимъ словомъ, необходимо было привести армію въ порядокъ, дать ей отдохнуть и снабдить ее всѣмъ необходимымъ.

Остановка въ Тарутинѣ и дала все это Кутузову. Обстоятельства намъ благопріятствовали. Безъ всякихъ переговоровъ само собой установилось перемиріе. Наполеонъ, занявъ Москву, бездѣйствовалъ, а пока бездѣйствовали французы, ничего не предпринимали и русскіе. И съ 20-го сентября, когда наши войска пришли къ Тарутину, до 6-го октября, т. е. двѣ недѣли, не произошло ни одной битвы.

За эти двѣ недѣли Кутузовъ привелъ свои войска въ порядокъ и подкрѣпилъ себя новыми силами. Солдаты получили теплое платье, ружья, порохъ, запаслись провіантомъ, а главное—отдохнули, пришли въ себя и подтянулись. Кромѣ того въ Тарутино пришли свѣжія войска. Армія пополнилась ополченцами и казаками, которыхъ пришло съ Дона до 20 тысячъ, и увеличилась вдвое.

Всѣ были довольны продолжительной стоянкой въ Тарутинѣ.

„Мы жили въ Тарутинскомъ лагерѣ, — разсказываетъ современникъ, — не занимаясь французами. Насъ укомплектовали рекрутами, лошадьми, зарядами, снабдили тулупами, сапогами, удовольствовали сухарями, а лошадей — овсомъ и сѣномъ въ волю. Тутъ выдали намъ тройное жалованье, и сверхъ того, нижніе чины за Бородинское сраженіе награждены были по пяти рублей ассигнаціями. Откуда что взялось! Изъ южной Россіи везли къ Тарутинскому лагерю по всѣмъ дорогамъ разные припасы. Среди биваковъ открылись

у насъ лавки съ разными припасами для военныхъ людей завелась торговля, и тутъ подлинно всѣ загуляли".

Образовался какъ бы цѣлый городъ съ улицами, домами, наскоро построенными.

Кутузовъ, впрочемъ, поселился въ Леташевкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Тарутина и жилъ въ крестьянской избѣ. Въ такихъ же избахъ помѣстились генералы. По избамъ же, а также землянкамъ и шалашамъ, размѣстились прочіе офицеры и солдаты. Офицеры собирались по вечерамъ группами, пили чай при свѣтѣ сальной свѣчи и толковали о военныхъ дѣлахъ. Солдаты тоже по своему коротали время, пользовались перемиріемъ.

Армія постепенно возстановляла свои силы, и духъ ея поднимался.

Однажды вечеромъ, когда уже совсѣмъ стемнѣло, въ Тарутино пріѣхалъ посолъ отъ Наполеона, Лористонъ. Лагерь еще не спалъ. Наоборотъ, въ немъ кипѣла шумная и веселая жизнь. Повсюду горѣли костры. Около костровъ сидѣли и стояли солдаты и пѣли пѣсни. Гремѣла полковая музыка.

Лористонъ пріѣхалъ для мирныхъ переговоровъ.

Наполеонъ, занявъ Москву, расчитывалъ, что Александръ первый предложитъ ему миръ. Но время шло, а о мирѣ не было ни слуховъ, ни разговоровъ. Тогда французскій императоръ рѣшилъ самъ предложить миръ русскимъ. Съ этой миссіей и былъ отправленъ въ Тарутино Лористонъ.

„Я желаю мира; мнѣ нуженъ миръ; я непремѣнно желаю его заключить, только бы честь была спасена". Съ такими словами Наполеонъ проводилъ Лористона.

Въ Тарутинѣ, среди генераловъ, когда узнали о пріѣздѣ Лористона для заключенія мира, поднялся ропотъ. Но Кутузовъ не смутился этимъ. Онъ любезно принялъ Лористона и пригласилъ его къ себѣ.

„Въ маленькой избѣ, въ одно окно, былъ поставленъ простой крестьянскій столъ, съ двумя на немъ свѣчами, и по обѣимъ сторонамъ два такихъ же стула, на которыхъ сѣли

одинъ противъ другого князь Кутузовъ и генералъ Лористонъ". Съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей главнокомандующій переговорилъ съ уполномоченнымъ Наполеона. Прочитавъ письмо Наполеона, онъ сказалъ Лористону, что при отправленіи его въ армію слово миръ ни разу не было произнесено; но что онъ во всякомъ случаѣ письмо французскаго императора перешлетъ императору Александру. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи Лористонъ оставилъ Тарутино.

Кутузовъ сдержалъ слово. Тотчасъ же донесъ въ Петербургъ о свиданіи съ Лористономъ. Александръ остался очень недоволенъ Кутузовымъ и поспѣшилъ выразить свое недовольство въ письмѣ къ главнокомандующему. Императоръ упрекалъ старика въ бездѣйствіи, выражалъ опасеніе за Петербургъ. Напомнилъ ему даже о потерѣ Москвы. „Вспомните, что вы еще должны дать отчетъ оскорбленному отечеству за потерю Москвы".

II.

Выговоръ Кутузову и былъ единственнымъ результатомъ поѣздки Лористона.

Наполеонъ не получилъ никакого отвѣта отъ Александра,— только напрасно ждалъ. Между тѣмъ, положеніе его въ Москвѣ становилось день ото дня тяжелѣе.

Москва какъ будто мстила за себя непріятелю. Морила его голодомъ, опустошала его ряды, вносила разложеніе. Населеніе столицы всегда питалось тѣмъ, что привозило сюда населеніе окрестностей. Но, когда народъ изъ Москвы бѣжалъ, прекратился и подвозъ сюда припасовъ. Что было, французы все съѣли, все разграбили, а вновь никто не везъ. И наступилъ голодъ. Стали ѣсть конину, потомъ воронъ, порохъ употреблять вмѣсто соли и т. д. Отъ этого появились болѣзни, люди стали умирать. Лошади тоже голодали и падали. Армія замѣтно стала таять. Въ то же время исчезалъ порядокъ, дисциплина. Трудно было сдержать голодныхъ людей.

Въ то же время русскіе начинали выходить изъ бездѣйствія. Регулярныя войска еще не вступали въ бой. Но во всѣхъ направленіяхъ отъ Тарутина потянулись ополченцы и партизаны. Ополченцы заняли всѣ дороги, ведущія изъ Москвы—на Тверь, на Рязань, Ярославль, Владиміръ, Тулу и пр.

Сами ополченцы пока не дѣйствовали, но они прикрывали города и поддерживали партизановъ, которые работали, что называется, во всю. Вмѣстѣ съ казаками они были положительно бичемъ для французовъ въ это время. Всѣ рекогносцировки въ окрестностяхъ Москвы для добычи провіанта кончались у французовъ неудачей. Партизаны тотчасъ же перехватывали ихъ, отнимали добычу, а самихъ забирали въ плѣнъ и приводили въ Тарутино каждый день, почти каждый часъ и при томъ сотнями. Одинъ „отважный Фигнеръ (партизанъ) доставлялъ почти ежедневно по 200 и 300 человѣкъ" въ лагерь. Не довольствуясь ловлей французовъ кругомъ Москвы, партизаны и казаки проникали въ самую Москву, расправлялись здѣсь со своими врагами, въ особенности—казаки. Они наводили какой-то паническій страхъ на французовъ, быстро налетали, хватали, убивали и скрывались.

Изъ отдѣльныхъ партизановъ наибольшую славу себѣ стяжали Фигнеръ, Давыдовъ, Сеславинъ. Фигнеръ хотѣлъ даже изловить самого Наполеона. Переодѣтый въ крестьянское платье онъ ходилъ по Москвѣ и выслѣживалъ свою жертву. Храбрый и энергичный, онъ отличался невѣроятной жестокостью. Онъ нерѣдко разстрѣливалъ плѣнныхъ, чтобы не везти ихъ въ Тарутино. Большую услугу оказалъ Сеславинъ. Онъ напалъ на слѣдъ Наполеона послѣ выступленія его изъ Москвы и сообщилъ Кутузову, который не зналъ, гдѣ находятся французы.

Первое время послѣ занятія Москвы французы только и видѣли передъ собой, что партизановъ и казаковъ. Гдѣ находятся регулярныя русскія войска, они даже и не знали. Потеряли ихъ изъ виду. Только 14-го сентября Наполеонъ

узналъ отъ посланнаго на розыски русской арміи Мюрата, что Кутузовъ идетъ къ Калугѣ. Эта рекогносцировка послужила толчкомъ къ возобновленію военныхъ дѣйствій. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ русскіе вышли изъ бездѣйствія. Они выступили изъ лагеря и шестого октября на рѣкѣ Чернишнѣ произошла, такъ называемая, Тарутинская битва. Кутузовъ атаковалъ авангардъ Мюрата. Русскіе въ нѣсколько разъ превосходили французовъ и заставили ихъ отступить. Битва эта имѣла огромное значеніе для всего дальнѣйшаго хода войны. Въ русской арміи были недовольны ея исходомъ и роптали на Кутузова.

— Какъ!—кипятился генералъ Коновницынъ,—мы должны были уничтожить весь корпусъ Мюрата! И что же? Непріятель ускользнулъ отъ насъ съ ничтожными потерями.

На самомъ дѣлѣ Тарутинское дѣло и безъ этого дало большіе результаты. Русскіе въ первый разъ перешли въ наступленіе, а французы отступили, и съ этого момента роли воюющихъ перемѣнились. Французы стали отступать, а русскіе ихъ преслѣдовать. Война обратилась какъ бы въ травлю звѣря гончими собаками.

Наполеонъ производилъ смотръ войскамъ въ Кремлѣ, когда пришло извѣстіе о Тарутинскомъ боѣ. Мюратъ отступилъ, разбитъ. Этого Наполеонъ никакъ не могъ переварить. Онъ прекратилъ смотръ, и лицо его омрачилось. Онъ какъ будто встряхнулся, сбросилъ съ себя апатію, въ которую, было, впалъ въ Москвѣ, и сразу рѣшилъ, что надо дѣлать.

Выступить изъ Москвы и идти къ западной границѣ, чтобы тамъ перезимовать въ Смоленскѣ или Вильнѣ, — вотъ на чемъ остановился Наполеонъ.

Изъ нѣсколькихъ дорогъ, ведшихъ къ Смоленску, Наполеонъ выбралъ дорогу на Боровскъ, Малоярославецъ и Медынь, еще не опустошенную. Онъ хотѣлъ при этомъ не просто уйти изъ Москвы и Россіи, а зайти Кутузову въ тылъ и отрѣзать его отъ главной матеріальной опоры, отъ южныхъ губерній, богатыхъ припасами. Сказано-сдѣлано. На 7-ое

октября было назначено выступленіе войскъ, а послѣ ихъ выхода изъ Москвы взрывъ Кремля. Отказъ въ мирѣ и обновленіе русскихъ военныхъ силъ въ Тарутинѣ разрушили планы Наполеона, разбили его гордую мысль подчинить себѣ Россію. И въ порывѣ злобы онъ хотѣлъ наказать русскихъ самымъ варварскимъ способомъ: разрушить памятникъ древности и хранилище московскихъ святынь—Кремль. Заранѣе всюду были заложены мины и отданы распоряженія поджечь ихъ.

Войска стали выступать изъ Москвы рано утромъ 7-го октября, совсѣмъ неожиданно для москвичей.

„Прошло около недѣли послѣ Покрова, — разсказываетъ одна очевидица выступленія французовъ, — видимъ мы, что французы засуетились. Слышны крикъ и говоръ и конскій топотъ. Страхъ насъ разобралъ; видимъ, что-то готовится, а что, не знаемъ. Всю ночь продолжался у нихъ шумъ, а мы всю ночь не спали. На другой день они повалили мимо нашихъ оконъ по Якиманкѣ, конные и пѣшіе. Иные чучелы—чучелами смотрѣли. Навьючили на себя всякаго женскаго тряпья. Шли они всѣ да ѣхали вразсыпную, кто гдѣ попало, а не такъ, какъ обыкновенно полки ѣдутъ стройнымъ шагомъ; а за ними пушки, фуры и повозки. Долго они тянулись одни за другими. Мы думали, и конца имъ не будемъ, и вдругъ улица опустѣла. Что же, мы думаемъ, ужъ не покинули ли они Москву?.. И вѣрить не смѣемъ такому счастью“... Предразсвѣтный мракъ окутывалъ выходившихъ и придавалъ всей картинѣ мрачный, тяжелый характеръ. Да и сами выступавшіе были не веселы. Вмѣсто покоя, ихъ гнали на новыя битвы. Они не знали, что ихъ ждетъ впереди, когда они вернутся домой, на родину.

Когда вышли за заставы послѣдніе отряды войскъ, раздались одинъ за другимъ оглушительные взрывы, отъ которыхъ потрясся воздухъ; изумленные и напуганные жители Москвы выбѣжали на улицы. Это герцогъ Мортье исполнилъ приказъ Наполеона.

Глазамъ выбѣжавшихъ представилось ужасное зрѣлище. Надъ Кремлемъ клубился дымъ, пробивался огонь, сыпались осколки. Когда же дымъ разсѣялся, обозначились слѣды разрушенія отъ взрыва.

„Мы всплеснули руками,—разсказываетъ одинъ очевидецъ,—Иванъ Великій безъ креста, какъ бы съ разможженною золотою главою, стоялъ одинокъ, не какъ храмъ, а какъ столбъ, потому что вся его великолѣпная боковая пристройка съ двумя куполами и съ огромными колоколами лежала въ развалинахъ. Башня съ Боровицкими воротами была взорвана. Грановитая палата, пожранная пламенемъ, стояла безъ крыши, съ закоптѣлыми стѣнами. На куполахъ соборовъ многіе листы были оторваны“...

III.

Такъ началось отступленіе „большой арміи“ Наполеона.

Кутузовъ узналъ о выходѣ Наполеона изъ Москвы только тогда, когда тотъ приближался уже къ Малоярославцу. Все спало въ Леташевкѣ (главной квартирѣ), когда прибылъ туда съ важной вѣстью майоръ Болховскій. Моментально разнеслась вѣсть о приближеніи Наполеона, и поднялась тревога.

Не пустить Наполеона на старую Калужскую дорогу, связывающую его съ южными губерніями, и заставить выйти на прежнюю дорогу, уже опустошенную,—сдѣлалось главной задачей Кутузова. Поэтому Кутузовъ быстро выступилъ изъ Тарутина и пошелъ навстрѣчу Наполеону, чтобы предупредить его у Малоярославца. Битва здѣсь 12-го октября должна была рѣшить, куда пойдетъ Наполеонъ. Русскіе и французы вошли въ городъ почти одновременно, и завязался жестокій бой. Малоярославецъ до пяти разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и обратился въ груду развалинъ. Въ послѣдній моментъ онъ все-таки остался за французами. Но пользы отъ этого для нихъ было мало. Кутузовъ заградилъ имъ путь

къ Калугѣ, и имъ оставалось идти по опустошенной дорогѣ на Можайскъ.

Сидя послѣ битвы въ полуразрушенной, смрадной лачугѣ ткача, окруженный генералами, Наполеонъ мрачно смотрѣлъ въ лежавшую передъ нимъ карту и размышлялъ, куда ему идти. Но выбора, въ сущности, не было. Кромѣ того пути, по которому онъ пришелъ въ Москву, другого свободнаго не осталось. И французскій императоръ повелъ свою армію разоренной дорогой, хорошо знакомой и памятной имъ.

Наступали тяжелые дни для отступавшей арміи. Силы были уже подорваны въ Москвѣ недоѣданіемъ, а тутъ приходилось идти пустыней. Только въ Смоленскѣ, гдѣ были сдѣланы запасы, армія могла подкрѣпить себя пищей и отдохнуть. Наполеонъ и предполагалъ такъ сдѣлать. Всѣ надежды, стало быть, возлагались на Смоленскъ. Но до Смоленска еще оставалось 20 переходовъ. Ихъ надо было пройти подъ огнемъ непріятеля. Самъ Наполеонъ не хотѣлъ вступать въ бой. Его главнымъ желаніемъ было теперь отступать, какъ можно скорѣй, безъ битвъ, безъ потерь и довести свою армію до границы, по возможности, въ цѣлости.

А задачей Кутузова стало теперь наступленіе, преслѣдованіе отступающей арміи по пятамъ. Рѣшительныхъ битвъ Кутузовъ изъ осторожности избѣгалъ, но бить французовъ не отказывался: „полегоньку, мелкими стычками, подешевле и повѣрнѣй“, какъ онъ говорилъ. Въ такой нерѣшительной и медлительной тактикѣ Кутузову большую помощь оказали партизаны и казаки. Пока Кутузовъ не спѣша двигался съ регулярными войсками за Наполеономъ и вводилъ ихъ въ дѣйствіе лишь въ экстренныхъ случаяхъ, партизаны и казаки все время теребили французовъ, гнали и истребляли ихъ. Кромѣ того въ это время вспыхнула народная война. Мѣстные крестьяне поднялись противъ своихъ обидчиковъ и стали ихъ въ свою очередь истреблять.

Поначалу крестьяне добродушно относились къ французамъ, не трогали ихъ. Но когда тѣ стали грабить и жечь

ихъ деревни, а ихъ самихъ убивать, они озлобились и принялись за расправу. Вооружившись вилами, рогатинами, топорами, они, собравшись партіями, ловили французовъ и истребляли ихъ. Первое время крестьяне дѣйствовали вразбродъ и домашними средствами, а потомъ они организовались въ цѣлые отряды и вооружились ружьями, сѣли на коней. Появились предводители изъ отставныхъ солдатъ или изъ самихъ же крестьянъ, и повелась уже настоящая война. Одна часть охраняла свою округу, а другая дѣлала вылазки, нападала на французовъ. Такія вылазки иногда превращались въ настоящія битвы, кончавшіяся богатой добычей и захватомъ въ плѣнъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ. Смоленская и Калужская губерніи особенно прославились въ этой народной войнѣ. Цѣлыя мѣстности остались цѣлыми, благодаря защитѣ крестьянъ. Французы въ концѣ-концовъ стали бояться крестьянъ не менѣе казаковъ. Даже женщины принимали участіе въ народной войнѣ. Старостиха Василиса изъ Сычевскаго уѣзда попала въ исторію за свои подвиги. Озлобленіе крестьянъ противъ непріятеля доходило иногда до того, что они издѣвались надъ ними,—забирали въ плѣнъ и топили въ рѣкѣ, зарывали живыми въ землю.

Такимъ образомъ то, чего не успѣвалъ дѣлать Кутузовъ въ сраженіяхъ съ отступавшимъ непріятелемъ, довершали партизаны и крестьяне. И армія Наполеона безъ генеральныхъ битвъ таяла не по днямъ, а по часамъ, гибла изморомъ.

IV.

Такъ происходило отступленіе наполеоновской арміи. Тяжелыя картины вставали передъ ними не въ памяти только, а прямо передъ глазами: скелеты павшихъ лошадей, обломки лафетовъ и повозокъ, неубранныя тѣла солдатъ, вытоптанныя поля, пожарища селъ и деревень. Самое потрясающее зрѣлище представляло Бородинское поле, — „поле смерти“.

„Трупы лежали совершенно въ такомъ же безпорядкѣ, въ какомъ уложила ихъ смерть въ день 26-го августа. Раздѣтые догола, они казались издали стадами бѣлыхъ овецъ. Ледяной ужасъ проникалъ въ душу солдатъ при видѣ страшныхъ останковъ ихъ товарищей". „Сердца наши сжимались,—

На пути къ Можайску.

разсказываетъ участникъ отступленія,—при видѣ этого поля, гдѣ легло столько нашихъ". „Храбрецы эти воображали тогда, что они умираютъ за побѣду и миръ. Тихо мы проходили мимо ихъ, какъ бы боясь, чтобы они не узнали о нашемъ отступленіи".

20-го октября Наполеонъ со своей арміей былъ въ Вязьмѣ, а 21-го подошелъ сюда и авангардъ Кутузова, и подъ этимъ

городомъ произошло новое столкновеніе обѣихъ армій. Кутузовъ, по своему обыкновенію, и здѣсь отказался отъ генеральнаго сраженія и, взявъ Вязьму, позволилъ непріятелю отступить. Огромны были потери французовъ. Но важнѣе потерь было другое. Маршалы жаловались на страшный безпорядокъ, полный упадокъ дисциплины въ войскахъ. Словно это были не строевые солдаты, а взятые отъ сохи поселяне. Никакіе приказы не могли поднять ихъ духъ, спаять ихъ въ дружное войско. Они устали, измучились и были ко всему глухи.

Между тѣмъ шла вторая половина октября. Осень уступала свое мѣсто зимѣ. Морозъ уже доходилъ до 8 градусовъ. А 25-го октября небо заволокло бѣлыми тучами, и повалилъ хлопьями снѣгъ. Для южныхъ жителей картина необычайная и незнакомая. При видѣ бѣлой пелены, все закрывшей, у солдатъ невольно сжалось сердце,—что-то имъ посылаетъ стихія. „Казалось небо спустилось на насъ, — разсказывали участники похода,—и присоединилось къ этой землѣ и къ этимъ враждебнымъ намъ народамъ, чтобы завершить нашу гибель. Все смѣшивается и становится неузнаваемымъ; предметы измѣняютъ свой видъ. Мы двигаемся впередъ, не зная, гдѣ мы, не видя передъ собой цѣли. Все становится препятствіемъ. И въ то время, какъ солдатъ силится проложить себѣ путь наперекоръ урагану, массы снѣга наполняютъ всѣ углубленія и овраги на пути. Въ эти овраги, то и дѣло, попадаютъ солдаты; многіе изъ нихъ до того слабы, что не въ силахъ уже болѣе подняться. Мокрый снѣгъ облѣпляетъ платье, а холодный вѣтеръ покрываетъ его ледяной корой. Стужа пронизываетъ всѣ члены, захватываетъ дыханіе; сосульки повисли на бородахъ и усахъ“.

Но люди продолжаютъ идти, напрягая послѣднія усилія. Впереди былъ Смоленскъ. И надежда отдохнуть и досыта поѣсть ободряла ихъ, поддерживала падавшій духъ и силы. До Смоленска остается одинъ переходъ. Наконецъ, показался на горизонтѣ городъ. Усталые, измученные, голодные и хо-

лодные, потянулись солдаты къ городу. Въ потускнѣвшихъ глазахъ блеснулъ живой огонекъ. Обильная пища и теплый ночлегъ представились воображенію. Но каково же было ихъ удивленіе? Ихъ остановили передъ городомъ. Боялись, какъ бы эти люди, умирающіе отъ голода, нахлынувъ въ безпорядкѣ, не набросились на магазины и не растащили то немногое, что въ нихъ еще оставалось. Предполагалось распредѣлить провіантъ между ними по мѣрѣ возможности и въ порядкѣ.

Наполеонъ распорядился въ первую очередь раздать провіантъ гвардіи. Она первая и была впущена въ городъ. А остальныя части войскъ должны были дожидаться своей очереди. Между тѣмъ многіе, уже обезсилѣвъ, тутъ же умерли или были при послѣднемъ издыханіи. Тѣ же, которые сберегли силы, потерявъ терпѣніе, мучимые голодомъ, ринулись къ воротамъ, взломали ихъ и ворвались въ городъ. Начался грабежъ магазиновъ и невѣроятная давка на улицахъ. Болѣе сильные добирались до магазиновъ. Слабые же падали и умирали подъ ногами своихъ товарищей въ общей свалкѣ. Но и тѣхъ, которые остались живы и вошли въ городъ, ждало разочарованіе. Припасовъ не могло хватить на всѣхъ, а объ отдыхѣ, о тепломъ ночлегѣ пришлось оставить мысль. Непріятель шелъ по пятамъ. Онъ могъ не сегодня-завтра настигнуть французовъ и отрѣзать имъ отступленіе.

Армія нуждалась не только въ отдыхѣ и подкрѣпленіи силъ. Она нуждалась также въ возстановленіи порядка, дисциплины. Состояніе ея было ужасное. Только четвертая часть солдатъ шла за знаменами. Остальные брели врозь и заняты были лишь добычей съѣстныхъ припасовъ. Побросали ружья, одѣты были въ лохмотья. Раньше Наполеонъ и хотѣлъ въ Смоленскѣ подтянуть свою армію. Но теперь объ этомъ нечего было и думать. Надо было спасать то, что оставалось, спасать себя. И, пробывъ въ Смоленскѣ всего четыре дня, Наполеонъ выступилъ изъ него со своей арміей, когда уже появились въ виду казаки Платова, 31-го октября.

V.

Опять потянулась безконечная бѣлая равнина. Опять казаки и озлобленные крестьяне. Опять холодъ, голодъ, мученія и смерть въ дорогѣ—безъ надежды отдыха, конца страданій, въ ожиданіи новыхъ столкновеній съ непріятелемъ. А силъ все меньше и меньше—какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ.

Дальнѣйшій путь лежалъ черезъ Красный, Оршу къ Березинѣ и Вильнѣ. До Вильны русскіе могли не разъ отрѣзать французамъ отступленіе. Если Кутузовъ не сдѣлалъ этого до сихъ поръ, то теперь навѣрно сдѣлаетъ. Такъ думалъ Наполеонъ и, чтобы предупредить русскихъ, первый вступилъ въ бой 5-го ноября при Красномъ. Кутузовъ принялъ бой и ввелъ въ дѣло главныя свои силы. Сраженіе носило генеральный характеръ. Противники дрались съ ожесточеніемъ. Потери были велики. Особенно много потерялъ Наполеонъ. Погибли почти цѣликомъ корпусъ Нея и дивизія Риказа; на полѣ битвы остались послѣдніе остатки кавалеріи и артиллеріи. Но отрѣзать отступленіе Наполеону русскимъ не удалось. Онъ прорвался и съ удвоенной быстротой продолжалъ отступленіе.

Теперь новая задержка ждала его при переправѣ черезъ Березину, здѣсь были всѣ данныя для того, чтобы русскимъ задержать и истребить отступавшую армію. Наполеонъ былъ въ этомъ увѣренъ и готовился къ переправѣ черезъ Березину, какъ къ самому критическому моменту. До него уже дошли извѣстія, что на соединеніе съ Кутузовымъ идутъ Витгенштейнъ и Чичаговъ съ Дунайской арміей.

Планъ истребить армію Наполеона во время переправы черезъ Березину дѣйствительно существовалъ у насъ. Въ Петербургѣ уже давно рѣшили, что Кутузовъ окружитъ постепенно своими войсками армію Наполеона, какъ кольцомъ. Загоняя ее въ кольцо своихъ войскъ, онъ будетъ все болѣе и болѣе суживать кольцо, пока оно не сомкнется совсѣмъ.

По плану кольцо должно было сомкнуться именно на Березинѣ, и здѣсь долженъ былъ наступить конецъ и Наполеону, и его арміи. Кутузовъ долженъ былъ загонять французовъ въ ловушку, а адмиралъ Чичаговъ вмѣстѣ съ Витгенштейномъ—истребить ихъ и захватить самого Наполеона.

Теперь оба врага устремились къ Березинѣ,—Наполеонъ, чтобы поскорѣе переправиться черезъ рѣку; Кутузовъ, чтобы настичь его здѣсь и запереть.

Такимъ образомъ, Кутузову представлялся случай обмануть Наполеона, о чемъ онъ говорилъ, когда отправлялся въ армію.

На пути къ Березинѣ Наполеонъ сдѣлалъ остановку только въ Оршѣ. Здѣсь онъ собралъ своихъ солдатъ и призвалъ ихъ совершить послѣдній подвигъ, — пробиться черезъ непріятельскія войска къ Вильнѣ, съ которой кончалось, по мнѣнію императора, отступленіе. Положеніе французовъ было отчаянное. Русскіе обступали со всѣхъ сторонъ. Силы русскихъ превосходили во много разъ французовъ. Къ Наполеону присоединились, правда, свѣжіе корпуса Удино и Виктора, но остальное войско было никуда негодное. Когда Удино и Викторъ увидали своихъ сотоварищей, они пришли въ ужасъ. „Они надѣялись увидать стройные ряды полковъ завоевателей Москвы, а увидѣли вмѣсто нихъ толпы привидѣній, покрытыхъ рубищемъ, въ женскихъ шубахъ, окутанныхъ клочками ковровъ и прожженными шинелями, воиновъ, ноги которыхъ обвиты были всевозможнымъ тряпьемъ. Съ ужасомъ смотрѣли они на проходившихъ мимо нихъ несчастныхъ солдатъ, съ почернѣлыми и обросшими бородой лицами, безъ оружія; они шли безъ всякаго порядка, съ опущенными головами, устремивъ взглядъ въ землю, молча, какъ толпа плѣнныхъ“.

И съ такимъ-то войскомъ Наполеону предстояло прорваться черезъ сомкнутыя силы русскихъ.

Русская армія тоже понесла большія потери за это время. Длинная, тяжелая и безконечная дорога давала себя знать.

Морозъ не щадилъ и своихъ. Одежда износилась, истрепалась, провіанта не хватало; приходилось и голодать. Отъ мороза, болѣзней и сраженій много людей выбыло изъ строя. Отъ Тарутина до Березины русская армія уменьшилась вдвое. Силы тоже надорвались. Русскія войска даже не поспѣвали за быстро отступавшимъ непріятелемъ. Адмиралъ Чичаговъ еще пришелъ со своей арміей къ Березинѣ раньше войскъ Наполеона и занялъ городъ Борисовъ, у котораго было самое удобное мѣсто для переправы. Остальныя же войска растянулись на большое разстояніе и подошли къ Березинѣ уже послѣ.

Въ Оршѣ Наполеонъ подтянулъ, насколько было можно, своихъ солдатъ. Здѣсь же онъ узналъ, что Борисовъ занятъ русскими. Онъ тотчасъ же приказалъ маршалу Удино немедленно идти къ Борисову, взять его, а Чичагова отбросить на противоположный берегъ Березины. Удино въ точности исполнилъ приказаніе своего императора. Чичаговъ, ждавшій Наполеона и не ждавшій Удино, былъ застигнутъ врасплохъ и быстро ретировался на правый берегъ, потерявъ обозъ и людей. Такимъ образомъ, переправа оказалась въ рукахъ французовъ.

Тому же Удино Наполеонъ велѣлъ выбрать мѣсто для переправы и навести мосты. Удино, чтобы обмануть русскихъ, сталъ готовиться въ трехъ мѣстахъ къ переправѣ выше и ниже Борисова. На самомъ же дѣлѣ переправа была намѣчена выше Борисова. Работа пошла быстро и, когда Наполеонъ 14-го ноября прибылъ къ мѣсту переправы, мосты почти были готовы.

Медлить было нельзя. Каждую минуту ждали нападенія Чичагова. Однако мосты строили, а Чичаговъ не тревожилъ французовъ. Болѣе того,—на разсвѣтѣ 13-го ноября французы увидали на противоположномъ берегу потухавшіе костры и лишь нѣсколько отрядовъ казаковъ. Адмирала съ его арміей не было, онъ куда-то ушелъ, повидимому. Чичаговъ дѣйствительно ушелъ внизъ по теченію къ мѣстечку Шабаше-

вичи, рѣшивъ, что французы будутъ переправляться именно здѣсь. Понятно, изумленію и радости французовъ не было границъ. Тотчасъ же заторопились съ переправой. Рано утромъ 14-го ноября Наполеонъ вышелъ изъ ближайшей избы, окруженный маршалами, и далъ знакъ къ переправѣ.

Переходъ черезъ Березину.

Чичаговъ потомъ спохватился, и 15-го числа вернулся назадъ уже послѣ полудня и тотчасъ же вступилъ въ бой съ переправившимися. Въ то же время на лѣвомъ берегу подошелъ Витгенштейнъ и тоже открылъ огонь. Такимъ образомъ бой начался съ двухъ сторонъ. Но удобный моментъ былъ пропущенъ. Армія почти вся переправилась. Въ полдень 15-го перешла мостъ старая гвардія и самъ Наполеонъ. Путь къ Вильнѣ былъ открытъ.

На лѣвомъ берегу оставался корпусъ Виктора и масса

безоружныхъ и отсталыхъ. Пока Чичаговъ добивалъ отставшихъ на правомъ берегу, Витгенштейнъ бился съ Викторомъ. Викторъ дрался, какъ звѣрь, и въ концѣ концовъ прорвался

Бѣгство Наполеона изъ Россіи.

и перешелъ рѣку. Но онъ пожертвовалъ безоружными и отсталыми. Когда бой стихъ, они ринулись всей массой къ переправѣ, давя и топя другъ друга. Въ довершеніе несчастія мосты начали горѣть, подожженные согласно приказу Наполеона, и люди горѣли и тонули. Получилась картина, полная ужаса, какой-то адъ, бездна смерти.

„Эта послѣдняя сцена,—разсказываетъ очевидецъ,—была ужасна. Лѣвый берегъ Березины представлялъ тогда страшное зрѣлище, оглашаясь криками отчаянія мужчинъ, женщинъ и дѣтей; многіе пытались перейти по горѣвшимъ мостамъ, другіе по льду, скопившемуся между двумя мостами; но льдины погружались подъ ихъ тяжестью, и люди падали въ воду; иные пускались переплыть рѣку выше мостовъ“.

Ища спасенія, люди находили гибель, умирали мучительной смертью. Березина была запружена тѣлами. Трупами замерзшихъ были покрыты оба берега. Когда весной минскій губернаторъ велѣлъ подобрать трупы, то ихъ оказалось до 24-хъ тысячъ.

Это все, что оставилъ русскимъ на Березинѣ Наполеонъ. Онъ могъ оставить всю свою армію и самъ попасть въ плѣнъ. И на это расчитывали и общество русское, и правительство. Но геніальный полководецъ обманулъ своихъ преслѣдователей и ускользнулъ отъ нихъ. Кольцо русскихъ войскъ не

Отступленіе французской арміи черезъ Вильну.

замкнулось на Березинѣ. Кутузовъ совсѣмъ не пришелъ на мѣсто къ моменту переправы, Витгенштейнъ запоздалъ, а Чичаговъ прозѣвалъ удобный моментъ.

Наполеонъ переправился черезъ Березину и вернулся во Францію. Правда, онъ потерялъ еще массу людей, и до гра-

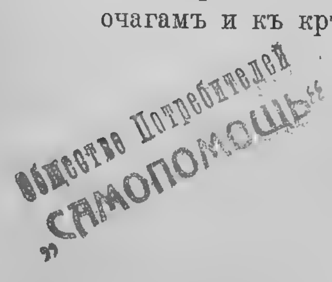
ницы дошли жалкіе обломки „большой арміи". Но зато дошелъ самъ вождь арміи, маршалы и часть гвардейцевъ, и потому, что они дошли, а не погибли на Березинѣ, возродилась потомъ французская армія, и Наполеонъ снова сталъ во главѣ свѣжихъ войскъ, предводимыхъ боевыми опытными маршалами. Съ этими войсками и пришлось русскимъ имѣть дѣло послѣ войны 12-го года. Вотъ что сдѣлалъ своей ошибкой Чичаговъ.

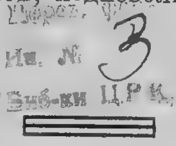
Отъ Березины до Вильны французы уже не оступали, а прямо бѣжали. Наполеонъ теперь бросилъ солдатъ на произволъ судьбы и уѣхалъ въ Парижъ. Бѣглецы искали спасенія въ Вильнѣ, думая, что здѣсь кончится преслѣдованіе, но ошиблись. Слѣдомъ за ними явился сюда Платовъ съ казаками, и имъ пришлось бѣжать дальше до границы, гдѣ дѣйствительно кончилось преслѣдованіе.

29-го ноября прибылъ въ Вильну Кутузовъ и расположилъ свои войска на отдыхъ, а въ Петербургъ донесъ, что французы изгнаны изъ предѣловъ Россіи, и Вильна занята имъ.

Александръ тотчасъ же выѣхалъ изъ Петербурга и 11-го декабря пріѣхалъ въ Вильну. Кутузовъ получилъ отъ императора высшую военную награду — орденъ Георгія 1-й степени. А на другой день, 12-го декабря, было торжественно отпраздновано баломъ изгнаніе французовъ. Когда Александръ вошелъ въ залъ, Кутузовъ склонилъ къ его ногамъ отбитыя Платовымъ французскія знамена.

Война кончилась, и народъ постепенно вернулся къ своимъ мирнымъ занятіямъ, вернулся къ своимъ разореннымъ очагамъ и къ крѣпостной, подневольной жизни.

ПОКРОВСКІЙ, С. В. Календарь природы.

I. Зима. Со многими рис. Ц. 20 к.

II. Весна. Со многими рис. Ц. 30 к.

III. Лѣто. Со многими рис. Ц. 20 к.

IV. Осень. Со многими рис. Ц. 25 к.

— **Болото и его обитатели.** Съ рис. Ц. 20 к.

— **Сарычъ.** Съ рис. Ц. 10 к.

— **Неуловимый.** Съ рис. Ц. 10 к.

— **Путешествія Н. М. Пржевальскаго.** Съ рис. Ц. 20 к.

— **Путешествія Г. Е. и М. Е. Грумъ-Гржимайло.** Съ рис. Ц. 15 к.

СѢВЕРЦЕВЪ-ПОЛИЛОВЪ, Г. Москва подъ рукою Наполеона. Истор. бытовая повѣсть. Съ рис. Ц. 60 к.

СѢРОПОЛКО, С. О. Народныя библіотеки. Порядокъ открытія библіотекъ и ихъ организація. Ц. 15 к.

— **Внѣшкольное образованіе.** Сборникъ статей. Ц. 40 к.

ТИХОМИРОВЪ, Д. И. Книжка-первинка. Русскія сказки. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 25 к.

ШВЕДЕРЪ, Е. Моимъ малышамъ. Сказки. Изящн. изданіе. Съ рис. худ. В. Спасскаго. Ц. 25 к.

— **Въ деревнѣ.** Съ рис. Ц. 15 к.

— **Разсказы для малышей.** Ц. 20 к.

— **Дѣти нужды.** Съ рис. Ц. 20 к.

— **Странички изъ жизни Никитина.** Ц. 5 к.

— **Странички изъ жизни Кольцова.** Ц. 5 к.

— **Странички изъ жизни Пушкина.** Ц. 5 к.

ШМЕЛЕВЪ, И. Одной дорогой. Разсказъ. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 10 к.

— **Свѣтлая страница.** Съ рис. худ. Н. А. Богатова. Ц. 15 к.

— **Пряникъ.** Разсказъ доктора. Съ рис. худ. И. Сивкова. Ц. 6 к.

— **Послѣдній выстрѣлъ.** Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 12 к.

— **Липа и пальма.** Разсказъ. Съ рис. худ. Н. Н. Богатова. Ц. 12 к.

— **Къ солнцу.** Разсказъ. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 10 к.

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова и проспекты журналовъ „Юная Россія“ и „Педагогическій Листокъ“ высылаются безплатно по первому требованію.

